

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 1 (17) 2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Тайланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 17.03.2025. Дата выхода в свет: 21.03.2025.

Усл. печ. л. 3,9. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Карапетян Л.А., Морозова О.Г.</i> Политико-правовая концепция союза русского народа (СРН) в период революции 1905-1907 г.....	4
--	---

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Анушин А.С.</i> Цифровизация форм реализации права граждан на осуществление местного самоуправления.....	8
<i>Перепелица М.А.</i> Модификация бюджетного правила в инструмент инвестирования реального сектора экономики.....	14

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Елисеева И.А.</i> Приобретательная давность как основание возникновения права собственности на земельные участки.....	21
--	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Багаев В.В.</i> Генезис квалифицирующих признаков состава преступления в российской дореволюционной уголовно-правовой доктрине.....	26
<i>Костенко Р.В.</i> Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов.....	30
<i>Цыпина А.В.</i> Речевая реализация принципов уголовного судопроизводства.....	36

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-4-7>

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА (СРН) В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.

Карапетян Л.А.^{*1}, Морозова О.Г.²

¹ Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»
(Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020)

² ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Карапетян Л.А., Морозова О.Г. Политико-правовая концепция союза русского народа (СРН) в период революции 1905-1907 гг. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):4–7. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-4-7>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Карапетян Лева Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

Адрес: Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (861) 251-69-20

E-mail: Leva.karapetyan.53@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Статья принята к печати: 21.02.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: В статье представлен краткий анализ отношения СРН к реформированию государственного механизма на основе принципов Манифеста 17 октября 1905 г. Главное внимание уделено отношению к Государственной Думе, её полномочиям. Вопреки нормативно-правовым актам, включая и Основные Государственные законы в редакции 23 апреля 1906 г. партия не признавала за ней политического института, ограничивавшего законодательные права монарха. По-прежнему настаивала на неограниченном характере власти монарха, как единственной Верховной власти. В рамках собственной интерпретации положений Манифеста, особое внимание уделялось тезису о сакральном характере Верховной власти, олицетворяемой самодержавием и базирующейся на религиозно-нравственном единении монарха и народа, что постулировалось как высшая ценность и благо для Российской Империи. Параллельно с этим, проводился анализ недостатков, присущих текущей социально-политической действительности, и формулировались предложения по их устранению.

В результате исследования определено, что основой политико-правовой теории СРН являлась концепция государственности, базирующаяся на христианских ценностях, единых и для монарха и народа. Что являлось основой для их единства и не допускавшего противостояния. Процесс нарушения единства начался с эпохи Петра I, когда абсолютная монархия, опираясь на бюрократический аппарат, нарушила прямое взаимодействие народа с монархом. Предлагались пути и средства возвращения к состоянию гармонии, к православной самодержавной монархии с неделимой Верховной властью.

Вывод: СРН указывал на произвол бюрократии, падение авторитета духовенства как следствие утверждения в России абсолютизма. Она призывала и прилагала практические усилия по улучшению положения, однако идеи и методы их реализации не всегда соответствовали прогрессу и были законными.

Ключевые слова: Манифест 17 октября, реформирование государственного аппарата, самодержавие, верховная власть, партия, Государственная Дума.

Введение

Цель статьи – анализ политико-правовой концепции СРН в 1905-1907 гг. в период относительного организационного единства во главе с А.И. Дубровиным. В центре внимания партии находились вопросы реформирования государственного аппарата на принципах царского Манифеста 17 октября 1905 г. Нами уже отмечался в целом невысокий теоретический уровень правомонархических радикальных консервативных политических организаций [3]. Их в историографии именуют консерваторами-практиками [1]. Так, давая общую оценку таким организациям К.Ф. Шацилло отмечал, что «в начале XX идеология консерватизма дала практически мало что нового по сравнению с предшествующим периодом. Один из ее вариантов – черносотенная идеология, родившаяся в условиях революционного взрыва...но её погромность и импульсивность демонстрировали идейную скудость течения в целом» [10]. СРН пропагандировал идеи, заключенные в теории «Православие, Самодержавие, Народность, Единство и Неделимость России» всеми доступными средствами и получал поддержку со стороны правительства в период революции 1905-1907гг. Пытались оказывать теоретическую помощь политическим организациям такие видные идеологи консерватизма, как, например, И.А. Ильин и Л.А. Тихомиров, но при этом они не являлись членами правомонархических партий и критиковали их. Поэтому в рамках исследования эволюции консервативной политической мысли в России представляется целесообразным отметить позиции названных теоретиков [2; 8; 9]. Оценка их взглядов позволяет выявить существенные нюансы в понимании монархического государственного устройства.

Методы исследования

В качестве фундаментальной методологической базы данного исследования выступает системный подход. В рамках системного анализа первостепенное значение приобретает аксиологическая составляющая, а также основополагающие принципы научного познания: объективность, историзм и конкретность.

Помимо этого, для политических объединений, подобных Союзу русского народа, ставящих во главу угла не столько правовые, сколько религиозно-нравственные и национальные императивы в контексте государственного строительства, особую релевантность приобретает ценностный подход.

Таким образом, комплексное изучение политико-правовых концепций партийных организаций, подобных Союзу русского народа, требует применения многоаспектной методологии, включающей системный и аксиологический подходы, а также метод сравнительного анализа, что позволяет наиболее полно и объективно исследовать данную проблематику.

Результаты исследования

Методологической базой настоящей работы послужил значительный массив первичных источников, непосредственно связанных с функционированием исследуемых политических организаций. Совокупность привлеченных источников целесообразно классифицировать по нескольким группам. В первую группу входят основополагающие документы партий, такие как программы и уставы, а также протокольная документация съездов и конференций, статьи и публичные речи руководителей, материалы партийной прессы и пропагандистские брошюры. К этой же категории относится внутренняя переписка партийных органов и обращения к верховной власти и кабинету министров. Ко второй категории относятся мемуары и дневниковые записи современников, отражающие их личное восприятие событий и деятельности партий. Третью категорию составляют стенограммы заседаний Государственной Думы, позволяющие реконструировать позицию партий по ключевым вопросам политической повестки дня. Наконец, четвертая категория включает в себя аналитические оценки деятельности праворадикальных партий, данные такими видными мыслителями, как Л.А. Тихомиров и И.А. Ильин.

Комплексный анализ вышеуказанных источников, в совокупности с релевантной научной литературой, позволяет сформулировать вывод о том, что в качестве фундаментальной политико-правовой основы российской государственности рассматриваемые партии постулировали известную триаду «Православие, Самодержавие, Народность». При этом идеальной формой государственного и политического устройства России признавалась неограниченная монархия, основанная на православных ценностях.

Научная дискуссия

СРН в период революции 1905-1907 гг. главное внимание уделял противодействию политико-правовым преобразованиям государственного механизма, поскольку положение в социально-экономической жизни организацию в целом устраивало. Охране патриархально-государственных начал самодержавного строя способствовала и его социальная база, основанного на защите принципа социальной иерархии в пределах существующих сословий. М.Л. Размолodin писал, что «правомонархисты подчеркивали мессианскую основу своего движения, как спасителей отечества и исторической памяти русского народа» [7, с. 42–43].

В условиях революции 1905-1907 гг. СРН усматривал новую форму народного самодержавия в Манифесте от 6 августа 1905 г., учреждавшем законосовещательную Государственную Думу (Булыгинскую). Манифест подчеркивал неразрывное единение Царя с народом как основу российской государственности,

обеспечившую ее историческое развитие и благосостояние¹. Булыгинская дума и Рескрипт от 27 декабря 1905 г. о созыве Церковного Собора СРН считал началом восстановления 200-летней прерванной связи между монархом и народом². Как отметил И.В. Омелянчук, «преследуя главную цель – сохранение неограниченного самодержавия монархисты подчеркивали, что оно не должно превратиться в абсолютизм, в инструмент личного произвола царя» [5, с. 88].

Каким было отношение партии к Манифесту 17 октября 1905 г.? После опубликования документа СРН неоднократно в своих обращениях и листовках к русским людям, в первую очередь, указывал на то, что социалистические и либеральные партии поняли и используют предоставленные свободы для усиления социально-политического давления на власть. Это усугубляло дестабилизацию в государстве, ведя к его упадку. Особую угрозу представляла деятельность Конституционно-демократической партии (кадетов), выступавшей за конституционный строй. Сторонники конституции рассматривались как противники русского народа. Лояльных же самодержцу граждан призывали к консолидации для «ведения активной борьбы всеми законными средствами против произвола и насилия с целью введения строгого, прочного правового порядка»³. В рамках рассматриваемого правопорядка выделялись семь основополагающих принципов, из которых первые три непосредственно касались государственного устройства. Они постулировали неделимость Российской Империи и нерушимость фундаментальных основ государственности, зиждущихся на единении монарха с народом, представленным выборными лицами.

Далее, учреждалась Государственная Дума, наделенная правом непосредственного обращения к Императору, правом интерpellации членам правительства и фактического надзора за их деятельностью, а также возможностью инициировать судебное преследование министров с санкции Верховной власти. Наконец, устанавливалась юридическая и фактическая ответственность правительства и должностных лиц за неправомерные действия, на основании жалоб частных лиц. Прочность правопорядка зависела и от защиты свободы и неприкосновенности личности на основе Манифеста 17 октября от произвола со стороны властей, отдельных физических и юридических лиц. Специальное внимание обращалось на охрану государственного устройства от печатных изданий по суду⁴. То есть, в октябрьском 1905 г. Манифесте не видели принципиального изменения сущности государства как неограниченной монархии. Государственную Думу партия оценивала как новую форму единения царя и народа и издания законов, а также позволяющая информировать государя о проблемах. По сути это очень близко теории парламентаризма консерватора К.П. Победоносцева, который определил данный социальный институт как «Великая лож нашего времени» [6, с. 38–40]. Однако 23 декабря 1905 г. при приеме императором депутации СРН выяснилось, что сомнения о незыблемости существующего строя все же имелись. Член делегации А.И. Тришатный интересовался, не идет ли партия против воли царя, трактуя Манифест, таким образом, и заметил, что для многих сложившиеся социально-политические обстоятельства не до конца ясны. В ответ император образно заметил, что «скоро солнце правды воссияет над Россией; будут обнародованы новые законы, которые всех успокоят и рассеют всякие сомнения»⁵. В целом ответ очень неопределенный.

Анализ государственного устройства Российской Империи начала XX века невозможен без рассмотрения Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». Этот акт, провозглашая гражданские права и расширяя избирательные права, заложил основы конституционного строя. Ключевым положением стало ограничение законодательной инициативы монарха необходимостью одобрения законов Государственной Думой. Представительный орган также получал право контроля над исполнительной властью, назначаемой императором, включая надзор за законностью действий должностных лиц. Таким образом, Манифест 17 октября 1905 года, вводя принцип разделения властей и элементы парламентаризма, стал важной вехой в трансформации российской монархии⁶. Это означало, несомненно, не только ограничение законодательных прав монарха, но также и наличие контрольных функций у Государственной Думы, являвшихся важными признаками перехода к конституционной монархии, и исходным началом парламентаризма. Тезис манифеста о преобразовании Государственной Думы из законосовещательной в законодательный орган был осуществлен в законе «Учреждение Государственной Думы» 20 февраля 1906 г. Одновременно с ним был принят акт «О переустройстве Государственного Совета», превращавший его в верхнюю палату парламента (не предусмотренного манифестом). Депутаты Государственной Думы избирались населением империи на пять лет согласно избирательному закону. Государственный Совет формировался иным путем. Половина его членов назначалась императором, а другая – избиралась от православного духовенства,

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отд.1. № 26656. Санкт-Петербург, 1908. С. 637.

² Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: Росспэн, 1995. С. 441.

³ Обращение СРН. 1905 г. //Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии. Документы и материалы. Т.1. 1905-1910 гг. М.: Росспэн, 1998. С. 80–81, 168–169.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 95–96.

⁶ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отд.1. № 26803. СПб., 1908. С. 754.

губернского земства, дворянских обществ, научных организаций, промышленников и торговцев, купечества соответственно указанным нормам. Положения указанных законов о новых органах государственной власти, их взаимоотношения с императором и правительством были закреплены в Основных Государственных законах (глава 10 «О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий») в редакции 23 апреля 1906 г.

Анализ политико-правовой концепции Союза Русского Народа (СРН) в 1905-1907 гг. показывает, что партия, декларируя поддержку Манифеста 17 октября, фактически выступала против его ключевых положений, ограничивающих самодержавие. СРН видел в Думе лишь законосовещательный орган, а идеалом считал неограниченную монархию, основанную на "Православии, Самодержавии, Народности". Современные исследователи акцентируют внимание на важнейшей роли религиозного фактора в формировании политических взглядов правых монархистов, и что защита самодержавия напрямую зависит от сохранения православных устоев [4, с. 26–29].

Однако низкий теоретический уровень идеологии СРН и его практическая деятельность, сводившаяся и к погромам, свидетельствовали об идейной скудости. Стремясь сохранить патриархальные устои, СРН оказался неспособен адекватно реагировать на вызовы времени и предложить конструктивную программу реформ в условиях начавшейся политической трансформации. Тем более, что известный идеолог консерватизма И.А. Ильин в условиях религиозного кризиса писал о катастрофическом положении монархического правосознания, включая в него верховную государственную власть, само государство, политическое единство страны, сам народ [2, с. 15–21]. Об этом же говорил и другой видный консерватор Л.А. Тихомиров. Смысл его рассуждений сводился к следующему. Если состояние народных верований таково, что религия уже не может освещать государственных отношений, то для монархии нет места [9, с. 428–430].

Список использованной литературы:

1. Володихин Д.М. О российских консерваторах без гнева и пристрастия. *Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. Отечественная история*. 2001;(3).76–77.
2. Ильин И.А. О монархии исследование. О монархии и республике. Собр. Соч. в 10 т. М.: Русская книга; 1994.
3. Карапетян Л.А., Морозова О.Г. К вопросу об историко-теоретических основах политико-правового консерватизма правомонархических радикальных политических партий России в 1905-1911 гг. (на примере Союза русского народа). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(1):14–21.
4. Киричук Д.В. Православный вопрос в программах идеологов-правомонархистов. *Гуманитарные науки*. 2024;(3):26–29.
5. Омелянчук И.В. Монархическое (черносотенное) движение в России 1905-1917 гг. *Ортодоксия*. 2021;(4):84–108.
6. Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография; 1901.
7. Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни: монография. / под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль: Ньюанс; 2012.
8. Тихомиров Л.А. Критика демократии. М.: Редакция ж. «Москва»; 1997.
9. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрс-Пресс; 2006.
10. Шацилло К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX-XX вв. // *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика* / Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская А.С. и др. / РАН. Ин-т рос. истории. М.: Прогресс-Традиция; 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карапетян Лева Александрович

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6141-4619>

Морозова Оксана Геннадиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4699-1976>

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-8-13>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Анушян А.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Анушян А.С. Цифровизация форм реализации права граждан на осуществление местного самоуправления. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):8–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-8-13>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Анушян Артём Санвелович, аспирант кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 175-19-58

E-mail: anushyan2000@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025

Статья принята к печати: 14.02.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: Целью работы является анализ существующих онлайн-форм участия населения в местном самоуправлении, выявление их преимуществ и недостатков, в том числе в сравнении с традиционными формами участия населения в осуществлении местного самоуправления, выработка рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

В рамках исследования решены задачи по определению преимуществ и ограничений цифровизации в контексте осуществления гражданами местного самоуправления и формированию рекомендаций по совершенствованию правового регулирования.

Выводы заключаются в том, что цифровизация муниципального управления представляет собой важный шаг к качественному улучшению взаимодействия между населением и местными органами власти. Для достижения максимальной эффективности необходимо учитывать специфику местных сообществ и разрабатывать гибридные модели участия, которые объединяют как цифровые, так и традиционные формы взаимодействия. Будущие исследования должны сосредоточиться на оценке уровня разработанности законодательства по вопросам возможного применения дистанционных форматов для всех форм участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Ключевые слова: цифровизация, народовластие, муниципальное управление, местное самоуправление, формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, участие граждан в решении вопросов местного значения.

Введение

Одной из тенденций общественного развития и публичного управления в последнее десятилетие является интенсивное внедрение цифровых технологий. Современные технологии наделяют граждан новыми возможностями для участия в управлении муниципальным образованием, повышая уровень вовлеченности граждан в процесс взаимодействия с местными властями. В контексте современных вызовов, когда необходимо быстро реагировать на политические изменения, становится особенно важным исследовать, как цифровые технологии могут трансформировать традиционные механизмы взаимодействия между гражданами и органами местного самоуправления. Цель статьи – проанализировать существующие онлайн-формы участия населения в местном самоуправлении, выявить их преимущества и недостатки, а также предложить рекомендации по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Методы исследования

Исследование выполнено с применением общенаучных диалектических методов и подходов (анализ, синтез, системность, историзм и др.), а также специально-юридических методов (формально-юридический, системно-правовой, сравнительного правоведения и др.).

Результаты исследования

1) В современном информационном обществе традиционные формы взаимодействия между органами публичной власти, гражданским обществом, его институтами и отдельными гражданами существенно изменились, повысив при этом эффективность и прозрачность управления, предоставляя возможности для своевременного реагирования на возникающие проблемы и экономии бюджетных средств. Активно развивающийся процесс цифровизации значительным образом влияет на качество взаимодействия между жителями и органами местного самоуправления.

2) Практика участия граждан в осуществлении местного самоуправления в дистанционном формате была зарождена в избирательно-правовой сфере и получила своё развитие в период обострения эпидемиологической обстановки в 2020-2021 гг., но по-прежнему остается актуальной и постоянно прогрессирующей. Вместе с тем, отдельные формы гражданского участия, состоящие в совместном обсуждении актуальных вопросов местного развития, получении ответов на вопросы непосредственно при обсуждении, участии в общей дискуссии (например, сход граждан) всё же эффективнее и привычнее проводить в очном формате.

3) Выявлена необходимость дальнейшего совершенствования федерального законодательства местном самоуправлении в контексте регулирования организационных аспектов цифрового участия граждан. В частности, рекомендуется:

– принять поправки, содержащие в себе положения о допустимости дистанционного проведения отдельных форм участия граждан, для которых законодательно отсутствует такая возможность, с закреплением процедур и принципов их применения, которые будут являться основополагающими для каждого органа местной власти;

– с целью сокращения расходов местного бюджета рассмотреть вопрос о закреплении на законодательном уровне обязательности проведения опросов граждан только в онлайн-формате.

Научная дискуссия

Местное самоуправление обеспечивает населению возможность непосредственного участия в управлении местной общиной и решении вопросов, касающихся общественной жизни и благосостояния. Принимая решения по вопросам местного значения, члены местного сообщества реализуют народный суверенитет. Такие решения, как правило, обладают высшей юридической силой и не зависят от одобрения или подтверждения со стороны органов власти, таких как глава муниципального образования или представительный орган, что подтверждает высокую значимость и авторитет повестки, определяемой самими гражданами. Общественные решения могут быть основаны на широкой представительности различных групп населения и обладают большей значимостью для жителей, чем решения, принятые централизованными органами власти. Масштабные процессы обсуждения и утверждения данных решений способствуют глубокой вовлеченности населения для достижения целей по развитию муниципального образования.

Существуют две основные формы участия граждан в организации местного самоуправления, закреплённые в главе 5 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹:

1) непосредственное решение вопросов местного значения;

2) участие в осуществлении местного самоуправления.

Проводя исследование по данному вопросу, Э.А. Вручинская высказала ценное утверждение, согласно которому законодатель, хоть и регулирует указанные формы участия в одной главе закона, на самом деле они имеют различную природу и существенно отличаются друг от друга [3, с. 107].

Существующие формы непосредственного решения гражданами вопросов местного значения неоднородны, к ним традиционно относят: сходы граждан, голосование по отзыву депутатов, голосования по вопросам изменения границ муниципальных образований и преобразования муниципальных образований, муниципальные выборы, местный референдум [5, с. 13].

Вторая форма участия граждан в местном самоуправлении является гораздо более разнообразной, поскольку законодатель официально закрепил достаточное количество форм участия жителей в осуществлении местного самоуправления, при этом указав, что помимо перечисленных в законе формах, граждане не ограничены в выборе иных форм, не противоречащих законодательству и принципам законности и добровольности. Среди законодательно закреплённых, выделяют следующие формы:

1) правотворческая инициатива (инициативные проекты);

2) территориальное общественное самоуправление;

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- 3) публичные слушания и общественные обсуждения;
- 4) собрание граждан;
- 5) конференция граждан;
- 6) опрос граждан;
- 7) обращения в органы местного самоуправления.

Важно отметить, что такие формы участия не характеризуются принципом императивности, то есть решения, принятые по итогам таких процедур, не являются общеобязательными, а их отличительная особенность состоит в том, что право на участие в реализации политических решений местной власти имеет не только народ в целом, но и отдельные жители, их группы и объединения.

В условиях стремительных изменений, вызванных развитием современных технологий, становится очевидным, что цифровизация играет ключевую роль в трансформации политической и управленческой среды. Текущая цифровизация права имеет значительное воздействие на политическое состояние государства, открывая новые возможности для управленческих и исполнительно-распорядительных решений, которые ранее оставались вне поля нашего зрения. В научной доктрине существует мнение, что процесс внедрения новых технологий и вовсе способен переформатировать само понятие права [10, с. 11]. М.М. Курячая логично подмечает, что возможности традиционных технологий публичного управления расширяют свои горизонты и проникают в новые сферы, путём активного внедрения в них цифровых технологий [6, с. 52]. Соответственно, сейчас на федеральном уровне довольно успешно происходит быстрое внедрение цифровых технологий в правовую систему власти, что позволяет постепенно интегрировать в практику местного самоуправления апробированные вышестоящими органами власти цифровые инструменты управления обществом. Цифровые технологии охватывают почти все области человеческой деятельности, включая и публичное управление, способствуя ускорению процесса принятия управленческих решений и устранению временных и пространственных барьеров в реализации коллективных решений [9, с. 40].

В условиях информационного общества традиционные формы взаимодействия между государственными структурами, обществом и гражданами претерпевают ощутимые изменения и модернизацию, что в свою очередь способствует более эффективному и прозрачному процессу управления. Такое закономерное и качественное осовременивание получили и формы участия и непосредственного осуществления гражданами местного самоуправления. Мы уже привыкли, что ряд управленческих решений принимается только посредством онлайн-участия граждан. Например, интернет-опросы местного населения, официальное закрепление которых непосредственно связано с принятием Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, позволяющего местным властям проводить опросы граждан на официальных сайтах и иных интернет-ресурсах муниципального образования. Теперь местное население в дистанционном формате имеет возможность знакомиться с содержанием опросов и незамедлительно принимать в них участие.

Но всё же результаты опросов носят, прежде всего, рекомендательный характер для публичной власти, поэтому данную форму участия в осуществлении местного самоуправления ещё называют «разновидностью консультативного референдума» [8, с. 330]. Исходя из этого назревает вопрос о целесообразности законодательного закрепления обязательности проведения опросов в онлайн-формате. В настоящий момент ФЗ-131 закрепляет только право местных властей на проведение опроса граждан в сети «Интернет», а не обязанность. Опросы населения в своём традиционном виде, по сути, начали изживать себя, их неспособность конкурировать с заметными преимуществами онлайн-опросов с каждым годом становится все более заметной. Проблемой для фиксации обязательности проведения в муниципальных образованиях опросов с помощью цифровых технологий может являться отсутствие доступа к интернет-пространству у некоторых граждан. Но данная трудность является лишь временным препятствием, так как на протяжении более десяти лет власти страны активно решают проблемы цифрового неравенства среди жителей нашей страны, реализуется федеральный проект «Информационная инфраструктура» в рамках государственной программы «Информационное общество», завершение которого планируется обеспечением к 2030 году всех малочисленных населенных пунктов высокоскоростным доступом к сети «Интернет».

Также помимо удобства проведения опросов граждан, современные технологии предоставляют возможность не затрачивать денежные средства, которые предназначались бы на расходы для проведения опросов в привычном формате. Например, В.А. Власов указывает, что в своей традиционной форме опрос не является затратной процедурой, но при этом существенно облегчают деятельность местных органов власти [2, с. 11]. С такой точкой зрения нельзя не согласиться, причем стоит отметить, что речь идёт о муниципалитетах, а не об органах федеральных или региональных властей, где бюджетные показатели кратно могут превышать финансовые возможности на местном уровне. Поэтому необходимо пользоваться любыми, даже

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 20.07.2020 № 236-ФЗ (ред. от 20.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

незначительными, возможностями сокращения расходной части бюджетов муниципальных образований, а в особенности тех, которые не будут негативно влиять на степень вовлеченности населения в выработку муниципальной политики.

Всё же вопрос обязательности закрепления онлайн проведения нужно рассматривать только для таких форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, результаты которых носят индикативный характер. Например, технологический прогресс на протяжении длительного времени вносит существенные поправки в избирательные процессы, совершенствуя способы участия граждан в принятии решений, но при этом дистанционное электронное участие в муниципальных выборах, для целей устранения ограничений избирательных прав населения, не должно быть единственным способом волеизъявления людей при проведении выборов.

Заметно, что в последние годы наблюдается явная тенденция к интеграции цифровых технологий в различные формы гражданского участия, что касается не только муниципальных выборов и опросов, но и других форм участия. Например, обращения в органы местного самоуправления с каждым годом становятся все более усовершенствованными благодаря внедрению цифровых решений, позволяющих дистанционно подавать обращения и оперативно получать по ним ответы. Инициативные проекты, которые ранее требовали значительных временных и материальных затрат, теперь можно удобно реализовать в электронном формате, что значительно повышает степень вовлечённости местного населения в процесс решения вопросов местного значения. Однако возникает вопрос о том, как обстоят дела с формами участия в местном самоуправлении, которые по своей природе изначально были задуманы исключительно для офлайн формата. К таковым А.А. Ларичев относит публичные слушания, сход и конференцию граждан, указывая на то, что законодательно применение этих форм в дистанционном формате не регламентировано [7, с. 67]. Но как показывает практика, даже эти традиционные формы взаимодействия с гражданами периодически подвергаются влиянию цифровизации.

Статья 28 ФЗ-131 закрепляет за местными органами обязанность по публикации на своих официальных сайтах сведений о месте проведения и времени публичных слушаний, с публикацией проектов муниципальных правовых актов. При этом, обязательная форма проведения публичных слушаний в федеральном законе не закреплена, отсутствует указание на возможность проведения слушаний в дистанционном формате. Но как такового запрета на их проведение посредством цифровых технологий в законе не наблюдается, что открывает новые возможности для муниципалитетов при проведении публичных слушаний. Практика проведения такого вида участия в осуществлении местного самоуправления в онлайн-формате распространена во многих регионах нашей страны. Например, в 2020 году, по инициативе мэра, в городе Краснодаре проходили общественные обсуждения Генплана города в дистанционном формате¹. Прежде всего, это было связано с тем, что муниципальное образование находилось в условиях карантина и опасности распространения коронавируса. Несмотря на то, что последствия коронавирусной инфекции уже далеко позади, в ноябре 2024 года в Краснодаре не отказались от проведения публичных обсуждений Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования города Краснодара с применением современных технологий². У жителей была возможность ознакомиться со всеми представленными материалами и направлять свои замечания к проекту документа в любом удобном для них формате: с помощью специального раздела на официальном сайте, через электронную почту, лично на бумажном носителе. Результатом обширного применения цифровых технологий явилось внесение по проекту Генплана более 28 тысяч предложений и замечаний³.

Публичные слушания также могут проводиться и по иным вопросам, например, по проектам бюджета муниципального образования. Так, в городском округе Отрадный Самарской области проводились публичные слушания по обсуждению проекта бюджета на 2021 год и плановый период 2022-2023, а также проекта стратегии социально-экономического развития городского округа Отрадный на период до 2030⁴.

¹ Общественные обсуждения Генплана Краснодара пройдут в дистанционном формате [сайт]. Официальный Интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара; 2024 [обновлено 23 апреля 2020; процитировано 14 декабря 2024]. Доступно: https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/news_23042020_154530/.

² Стартовал финальный день общественных обсуждений проекта Единого документа [сайт]. Официальный Интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара; 2024 [обновлено 25 октября 2020; процитировано 14 декабря 2024]. Доступно: <https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/startoval-finalnyy-den-obshchestvennykh-obsuzhdeniy-proekta-edinogo-dokumenta/>.

³ В Краснодаре приняли Единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования [сайт]. Официальный Интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара; 2024 [обновлено 27 ноября 2024; процитировано 14 декабря 2024]. Доступно: <https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/v-krasnodare-prinyali-edinyy-dokument-territorialnogo-planirovaniya-i-gradostroitel'nogo-zonirovaniya/>.

⁴ Публичные слушания пройдут онлайн [сайт]. Отрадный. Сайт органов местного самоуправления; 2024 [обновлено 03 декабря 2020; процитировано 14 декабря 2024]. Доступно: <https://otradny.org/sitenews/publicnye-slushaniya-proydu-on-layn.html>.

Практика проведения публичных слушаний в дистанционном формате особо развита в г. Перми, где такие обсуждения проходят в формате видеотрансляции, с обязательной подачей электронных заявок на участие через Публичный портал ИСОГД города Перми, либо путём направления письма на электронную почту администрации города. В феврале 2024 года в Перми прошли публичные слушания по вопросам внесения изменений в устав города, особенностью являлось то, что видеотрансляция слушаний проходила не только на официальном сайте города, но и в группе в социальной сети «ВКонтакте». При этом практика проведения слушаний в социальных сетях не была разовой, она применяется в городе на постоянной основе, в том числе при обсуждении проекта бюджета города Перми на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов¹.

Но не всегда переход на дистанционные способы взаимодействия граждан и местных властей «приживается» на практике. Например, в 2022 году в нескольких сёлах Нижнекамского района Республики Татарстан начали проводить сходы граждан в онлайн-формате². Причинами этому ожидаемо стали карантинные ограничения, наложенные на всю республику. Но при этом, такой формат проведения схода граждан имел определенный успех, к трансляции были подключены более 100 человек, которым после выступления главы поселения, была предоставлена возможность задавать вопросы представителям властей, вносить свои замечания и предложения по всем рассматриваемым на сходе вопросам. Несмотря на удачный опыт проведения дистанционного схода граждан, после снятия всех коронавирусных ограничений, такой формат организации сходов в Нижнекамском районе больше никогда не применялся.

Можно сделать вывод, что местное сообщество ещё не готово к радикальным мерам по полной цифровизации всех форм участия граждан в местном самоуправлении, так как привычные очные формы проведения отдельных мероприятий подсознательно являются более действенными, чем те, при которых невозможно обсудить проблемы вживую. Такая позиция сходится с мнением главы нашего государства В.В. Путиным, который на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления заявил: «Цифровизация сама по себе не заменит личных контактов и встреч с людьми, регулярное общение с ними – важнейший фактор повышения взаимопонимания и доверия между гражданами и местной властью». При таком раскладе наиболее оптимальным выглядит такой вектор развития местного самоуправления, при котором равным образом будут сочетаться как современные способы взаимодействия между гражданами и властью, так и традиционные. Но для соответствия такому направлению законодательная база об основах местного самоуправления в нашей стране является несовершенной [1, с. 24]. В положениях главы 5 ФЗ-131 отсутствует прямое указание на возможность проведение в дистанционном формате некоторых видов форм участия граждан, например схода граждан. Как показывает практика, в современных реалиях мировой повестки всё чаще появляются угрозы для мирного и спокойного сосуществования граждан. Резкое обострение военно-политической ситуации в нашей стране может быть причиной массы разных событий, в том числе при которых могут быть опасны мероприятия с большим скоплением людей.

В ФЗ-131 отсутствует запрет на проведение того же схода граждан в дистанционном формате, но в данной ситуации необходимо именно законодательное закрепление таких возможностей, так как это позволит наиболее грамотно регулировать вопросы, связанные с применением цифровых технологий на местном уровне, сделает их легитимными. Такая точка зрения подтверждается сформировавшимся в научной доктрине мнением, что правовое регулирование участия граждан в общественной жизни и местном самоуправлении способствует обеспечению реальной свободы личности и реализации её прав и интересов [4, с. 108].

В заключение можно утверждать, что цифровизация муниципального управления открывает новые горизонты для участия граждан в управлении своими территориями, значительно упрощая доступ к информации и механизмам взаимодействия с местными властями. Переход ряда форм участия населения в осуществлении местного самоуправления в цифровой формат не только повышает их эффективность, но и способствует более активному вовлечению граждан в процессы принятия решений. Однако, несмотря на очевидные преимущества, некоторые традиционные формы участия, такие как сходы граждан, по-прежнему требуют личного присутствия и не могут быть полностью переведены в онлайн-формат. Представляется целесообразным закрепить в федеральном законодательстве возможность проведения таких мероприятий в дистанционном формате, как минимум в условиях непредвиденных экстренных ситуаций, что обеспечит гибкость и адаптивность местного самоуправления к вызовам современности.

¹ В Перми пройдут публичные слушания по проекту бюджета на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов [сайт]. Муниципальное образование город Пермь; 2024 [обновлено 01 ноября 2023; процитировано 14 декабря 2024]. Доступно: <https://www.gorodperm.ru/news/2023/11/01%2011:14:00+05/61809-id/>.

² В сёлах Нижнекамского района сходы граждан начали проводить в онлайн-формате [сайт]. Нижнекамская телерадиокомпания; 2024 [обновлено 02 февраля 2022; процитировано 14 декабря 2024]. Доступно: <https://ntr-24.ru/news/society/90224-v-selah-nizhnekamskogo-rajona-shody-grazhdan-nachali-provodit-v-onlajn-formate.html>.

Список использованной литературы:

1. Береза Е.С. Проблемы цифровизации в государственном управлении. *Материалы Афанасьевских чтений*. 2023;43(1):23–25.
2. Власов В.А., Яковлев И.Д., Шатунова А.А. Опрос граждан как одна из важнейших форм взаимодействия органов местного самоуправления с населением муниципального образования через социальные сети. *Право и государство: теория и практика*. 2019;177(9):9–11.
3. Вручинская Э.А. Правовые формы участия граждан в местном самоуправлении. *Вестник магистратуры*. 2021;116(5–6):106–110.
4. Курячая М.М. Гражданская активность как фактор формирования и развития гражданского общества в современной России. *Государство и право*. 2021;(5):108–117. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520013653-9>.
5. Курячая М.М. Проблемы реализации права граждан на референдум. *Право и политика*. 2005;(9):11–21.
6. Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России. *Конституционное и муниципальное право*. 2013;(7):52–54.
7. Ларичев А.А., Кожевников О.А., Корсун К.И. Технологии «умного города» в контексте решения вопросов местного значения на городских территориях. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023;16(3):56–77. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.56.77>.
8. Мустафина Э.У. Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления: правовое регулирование и практика применения. *Скиф*. 2020;52(12):328–331.
9. Потапенко С.В., Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Пчелинцев А.С. Современные цифровые технологии в управлении экономикой страны: проблемы и перспективы развития (правовые и экономические аспекты). *Теория и практика общественного развития*. 2024;(9):38–46. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-50-63>.
10. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы. *Журнал российского права*. 2018;254(2):5–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анушян Артём Санвелович

аспирант кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

МОДИФИКАЦИЯ БЮДЖЕТНОГО ПРАВИЛА В ИНСТРУМЕНТ ИНВЕСТИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Перепелица М.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Перепелица М.А. Модификация бюджетного правила в инструмент инвестирования реального сектора экономики. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):14–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-14-20>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (929) 003-91-41

E-mail: perepelitsa.doc@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 25.01.2025

Статья принята к печати: 24.02.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: Целью научной статьи является анализ модификации бюджетного правила в период с 2004 года и по состоянию на 2025 – 2027 годы с учетом современных условий в которых приходится функционировать суверенному Фонду национального благосостояния.

В исследовании были решены следующие задачи: рассмотрено содержание основных функций бюджетного правила – сберегательной, стабилизационной и защитной; определена специфика ФНБ как особого публичного фонда, деньги которого учитываются отдельно от других государственных денежных средств и которые можно израсходовать только на те цели, ради которых фонд создавался; выявлена проблема, связанная с изменением вектора использования средств от дополнительных нефтегазовых доходов, концентрируемых в ФНБ, в сторону инвестирования реального сектора экономики.

В статье применялись общенаучные и специальные методы исследования.

По результатам проведенного научного исследования делается вывод о необходимости размещения дополнительных доходов от экспорта сырья в реальные производственные активы (прямые инвестиции или покупку ценных бумаг эмитента) и, в целом, повышения финансирования бюджетных расходов в реальный сектор экономики. Это объективно обусловлено теми стратегическими задачами, которые стоят перед государством в текущих условиях – обеспечение экономической безопасности, достижение технологического суверенитета, структурная трансформация экономики страны. От решения этих задач зависит национальная безопасность Российской Федерации. Накапливать иностранные валюты дружественных стран за счет средств ФНБ также необходимо, но в тех количествах, которые фактически необходимы для осуществления внешнеторговой деятельности с государствами – эмитентами таких валют не более чем на год.

Ключевые слова: бюджетное правило, Фонд национального благосостояния, санкционное давление, иностранные валюты, реальный сектор экономики, дополнительные нефтегазовые доходы, технологический суверенитет, национальные интересы, резервы, финансирование бюджетных расходов.

Введение

Оказываемое на Российскую Федерацию беспрецедентное санкционное давление, имеющее своей целью предельное ослабление ее экономического потенциала, ставит перед страной серьезные задачи по обеспечению экономической безопасности и достижению национальных целей развития государства. Ключевым вектором деятельности государства в текущих условиях является, во-первых, поиск возможностей для создания устойчивых темпов роста реального сектора экономики, во-вторых, развитие технологий и инноваций в сфере науки и, в - третьих, сокращение времени между прямым внедрением научных технологий и разработок в реальный сектор экономики. Это позволит осуществить качественный рывок страны для ее

выхода на более высокий технологический уровень существования, изменит структурную составляющую экономики и повысит ее устойчивость к внешним вызовам. Указанные цели и задачи нашли свое закрепление в ряде важных государственных документов¹.

Основными ресурсами для выполнения запланированных задач, носящих, без преувеличения, стратегический характер, являются денежные средства, концентрируемые в публичных фондах государства. Прежде всего, это бюджеты различных уровней бюджетной системы с основной нагрузкой на федеральный бюджет. Об этом идет речь и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, («Основными задачами по реализации прогнозирования и стратегического планирования в сфере реального сектора экономики являются: совершенствование механизмов бюджетного планирования, повышение эффективности бюджетных расходов, развитие инструментов финансирования инновационных проектов»² и в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, («Основополагающими принципами государственной политики в области научно-технологического развития являются сосредоточение интеллектуальных, финансовых, организационных ресурсов на поддержке научных, научно-технических программ и проектов полного инновационного цикла», а также «реализация, в том числе с привлечением частных инвестиций и средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации для создания инновационных проектов»)³ и др. То есть, основными источниками финансирования развития национальных проектов, создания технологий и их внедрения в экономику, являются целевые фонды, создаваемые в рамках федерального, региональных и муниципальных бюджетов, решение о функциональной направленности которых принимают Правительство РФ, Президент РФ, Государственная Дума РФ, представительные органы субъектов РФ и органы местного самоуправления.

Методы исследования

При написании статьи использовались общенаучные методы (логический, системный, функциональный) и специальные методы (юридико-технический, формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования

1. Само по себе бюджетное правило не плохое и не хорошее. Это совокупность бюджетных норм, определяющих порядок использования дополнительных средств, поступивших в ФНБ от экспорта сырья и управления ими. Все зависит от его содержания, методики осуществления, которая может быть направлена во благо, или во вред национальным интересам государства. При этом гибкость самого правила позволяет ему в достаточно короткие сроки модифицироваться из одного полюса в противоположный;

2. Во-вторых, и что более важно, в концептуальных документах государства провозглашено, что «К концу третьего XXI века (до 2030 года) Россия должна обладать собственной научной, кадровой, и технологической, критических и сквозных технологий. К 2030 году национальная экономика должна обеспечивать производство высокотехнологичной продукции – чипов и другой микроэлектроники, высокоточных станков и робототехники, авиакосмической техники, беспилотников, лекарств и медицинского оборудования, телекоммуникационной техники и программного обеспечения»⁴. Как видим, на эту цель остается 5 лет. Фактически, речь идет о масштабной и гигантской индустриализации страны и переходе на новый технологический уклад за пятилетку. Это вопрос национального сохранения государства. Поэтому, время виртуальных валютных счетов и накоплений уже в прошлом. У страны есть внутренние источники для проведения масштабной модернизации национальной экономики, и один из них – это средства ФНБ. Для этого необходимо модифицировать бюджетное правило в инструмент инвестирования реального сектора экономики.

Научная дискуссия

Несмотря на существенное повышение уровня расходов федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации национальных проектов и программ в 2022-2024 годах в экономике⁵, государству все еще требуются значительные финансовые ресурсы на эти цели сроком на 2025-2027 годы, и на более

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208; О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400; Об особенностях реализации национальных проектов (программ), федеральных проектов, ведомственных проектов и региональных проектов в условиях геополитического и санкционного давления на развитие российской экономики: Постановление Правительства РФ от 09.04.2022 № 628 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Бюджет для граждан: к проекту Федерального закона о Федеральном бюджете на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов. [сайт]. Министерство финансов Российской Федерации; 2021 [обновлено 10 января 2021; процитировано 25 декабря 2024]. Доступно: <http://www.minfin.gov.ru>>BDG_proekt_2022-2024.

долгосрочную перспективу. Поэтому поиск источников для такого финансирования, и прежде всего, внутри страны, является важной задачей в текущих условиях. В связи с этим отдельный интерес вызывает вопрос о правовом статусе особого суверенного публичного фонда государства – Фонда Национального Благосостояния (далее – ФНБ). ФНБ, как и другие целевые публичные фонды, функционирует в соответствии с общепринятыми правилами, а именно, за ним закрепляются источники финансирования, определяются цели расходования концентрируемых в нем денежных средств и назначается государственный орган (совокупность органов), осуществляющих управление средствами фонда. Но, в отличие от всех остальных публичных фондов, ФНБ функционирует в соответствии с бюджетным правилом, которое определяет порядок поступления в данный фонд дополнительных нефтегазовых доходов, порядок их распределения и расходования, а также процедуру управления средствами фонда. Уже исходя из этого (закрепленных за фондом источников поступления) можно сказать, что средства, концентрируемые в ФНБ значительно превышают по своему объему материальное содержание других целевых фондов, входящих в состав бюджетов, а потому, важным представляется вопрос о целесообразном их распределении и использовании в новых сложившихся условиях (санкции, проведение специальной военной операции, необходимость перехода на более высокий хозяйственный уровень технологического уклада и пр.). К тому же, ФНБ входит в структуру золотовалютных резервов государства (далее – ЗВР), т. е., является его частью (22 % от общего объема ЗВР составляют средства ФНБ), что также подтверждает его высокий финансовый статус по отношению к другим целевым фондам.

Теоретические и практические вопросы трансформации бюджетного правила исследовались с разных точек зрения в работах И.С. Букиной [1], А.Л. Кудрина [4], С.В. Запольского [2], М.М. Соколова [7], И.А. Цинделиани [3], А.Ю. Чалова [8]. Особенностью ФНБ является то, что средства, концентрируемые в нем, значительно превышают по своему объему материальное содержание других целевых фондов, входящих в состав бюджетов, а потому, важным представляется вопрос о целесообразном их распределении и использовании в новых сложившихся условиях (санкции, проведение специальной военной операции, необходимость перехода на более высокий хозяйственный уровень технологического уклада и пр.). К тому же, ФНБ входит в структуру ЗВР, т. е., является его частью (22 % от общего объема ЗВР составляют средства ФНБ), что также подтверждает его высокий финансовый статус по отношению к другим целевым фондам.

В соответствии со ст. 96.10 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ), ФНБ – представляет собой часть средств федерального бюджета, подлежащих обособленному учету и управлению в целях обеспечения софинансирования добровольных пенсионных накоплений граждан Российской Федерации, государственной поддержки формирования долгосрочных сбережений, а также обеспечения сбалансированности (покрытия дефицита) федерального бюджета и бюджета Фонда Пенсионного и социального страхования в части обязательного пенсионного страхования¹. Таким образом, деньги ФНБ учитываются отдельно от других государственных денежных средств и их можно израсходовать только на те цели, ради которых фонд создавался.

Если разделить эти цели с точки зрения их функциональной направленности, то можно выделить две основные: сберегательную и стабилизационную. Стабилизационная направлена на обеспечения сбалансированности (покрытия дефицита) федерального бюджета и бюджета Социального Фонда России в части обязательного пенсионного страхования, а сберегательная заключается в размещении средств Фонда в высоколиквидных активах, управление ими и, соответственно, приумножение объема ФНБ. Иными словами, речь идет о создании необходимой «финансовой подушки» безопасности и формировании нужного объема резервов в соответствии с бюджетным правилом. Так, например, по состоянию на 01.02.2022 года объем ФНБ составил 13 трлн. 610 млрд. 217 млн. рублей, так как Фонд формируется в рублях. Часть средств ФНБ на тот момент была размещена в акциях и облигациях российских эмитентов, остальные средства были размещены в иностранных активах – преимущественно иностранная валюта. На отдельных счетах по учету средств ФНБ в Банке России было размещено: 38, 6 млрд. евро, 4, 2 млрд. фунтов стерлингов, 600, 3 млрд. японских йен, 226, 8 млрд. китайских юаней, 95 млрд. долл. США, 266, 1 млрд. рублей и 405, 7 тонн золота в обезличенной форме. Объем ликвидной части ФНБ по состоянию на 01.02. 2022 года составлял – 8, 8 трлн. рублей².

Стабилизационная и сберегательная функции ФНБ реализуются в строгом соответствии с бюджетным правилом. Под бюджетным правилом, в науке финансового права понимают законодательно утвержденные ограничения на различные бюджетные показатели: бюджетные расходы, бюджетные доходы, государственный долг [5; 6; 10]. Бюджетное правило может применяться только к ФНБ, в связи с особенностью источников его пополнения (это дополнительные нефтегазовые доходы, которые формируются при уплате налога на добычу полезных ископаемых, вывозных таможенных пошлин на нефть, газ и продукты переработки, налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, акцизов на нефтяное сырье, направляемое на

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О результатах размещения средств ФНБ (по состоянию на февраль 2022 года). [сайт]. Министерство финансов Российской Федерации; 2022 [обновлено 6 июня 2022; процитировано 08 января 2025]. Доступно: <http://www.minfin.gov.ru>>press-centre.

переработку). Поэтому бюджетное правило, являясь ограничительным инструментом, одновременно является и механизмом перераспределения доходов от продажи сырья.

Следует учитывать еще одну важную функцию бюджетного правила – защитную, так как оно направлено на снижение зависимости экономики страны от цен на нефть, газ, продукты переработки. Ведь цены на это сырье на мировом рынке подвержены серьезным колебаниям, причины которых могут быть разными: экономические, торговые, политические. Если цены на сырье высокие, то доходы и платежи в бюджет также растут, а если цены на него падают – то, соответственно, снижается и уровень поступающих в бюджет доходов. Чтобы контролировать эту ситуацию и быть минимально подверженным внешним конъюнктурным обстоятельствам (которые чаще носят еще и субъективный характер), на основании бюджетного правила определяется так называемая «точка отсечения», то есть, тот уровень цен на сырье при превышении которого все избыточные (дополнительные) доходы от экспорта идут в ФНБ. Если доходы от продажи сырья оказались меньше от запланированных – то недостачу покрывают средствами, накопленными в ФНБ. В последние годы «точкой отсечения» была установлена цена на нефть марки «Юралс» на уровне 40 долл. за баррель. Следует подчеркнуть, что ситуация на мировом рынке нефти в последние годы складывалась вполне выгодно для России, поэтому ФНБ получал дополнительные нефтегазовые доходы систематически. И далее прогнозируется стабильный спрос на традиционные товары российского экспорта (нефть, газ) по относительно высоким ценам. Это связано с ростом запросов на сырье в мировой экономике и нестабильной международной политической ситуацией.

Начиная с 2004 года и по 2022 год бюджетное правило работало в целом без изменений (за исключением 2015-2017 годов, когда было резкое падение цен на нефть и бюджетное правило было приостановлено, но уже с 2018 года опять перезапущено). Но, 28.02.2022 по 01.03.2022 года государствами Европейского Союза (далее – ЕС) совместно с Соединенными Штатами Америки (далее – США) была осуществлена заморозка валютных активов ЗВР Банка России на сумму 300 млрд. долл. США, в составе которых находились и валютные средства ФНБ. В таких условиях возникла объективная необходимость разработать новую конструкцию действия бюджетного правила, существенно модифицировав его. В ходе взаимодействия по данной проблеме Минфина РФ и Банка России акцент был сделан на накоплении средств ФНБ (сберегательная функция) в валютах дружественных стран и исключении из валютной композиции фонда: евро, фунтов, долларов и йен. Это решение нашло свое закрепление в важном документе Центрального Банка РФ «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023-2025 годы»¹, где отмечалось, что «Минфин прорабатывает возможность реализации операционного механизма бюджетного правила по пополнению (расходованию) средств ФНБ в валютах дружественных стран (китайские юани, индийские рупии, турецкие лиры, дирхам Объединенных Арабских Эмиратов, бразильский риал, южноафриканский рэнд, валюты стран-членов ЕАЭС и пр.)»². Следует отметить, что данная мера, введенная за достаточно короткий период финансовыми властями страны, соблюдается достаточно жестко и на текущий момент. Теперь основной иностранной валютой, в которой размещается часть средств ФНБ, является китайский юань, составляющий 60 % валютных резервов. То есть, начиная с 2023 года основной валютой ФНБ стал юань.

Следующим важным изменением бюджетного правила стал отказ от установления целевого уровня цены на нефть (была отменена точка отсечения). Взамен этого инструмента Минфин ввел, так называемый, плановый показатель, в размере 8 трлн. рублей базовых доходов ежегодно, которые было запланировано получать от продажи нефтегазовых ресурсов и которые должны поступать в бюджет. Эти 8 трлн. разбивались ежемесячно на соответствующие показатели (объемы денежных средств) с небольшой разницей. Ежемесячно Минфин проводит оценку фактических доходов, поступающих в бюджет в текущем месяце. Если ожидаемые доходы за месяц оказываются ниже плана, то недостача покрывается за счет средств ФНБ (то есть, ЦБ РФ продает валюту – теперь юани, на сумму недостачи и средства поступают в бюджет). Если же имеет место превышение – средства поступают на счета ФНБ и размещаются в валютных резервах дружественных стран и др. Установлено, что такой порядок будет действовать до конца 2025 года, а с 2026 года сумма 8 трлн. рублей должна индексироваться на 4 % ежегодно³.

Таким образом, было осуществлено два важных изменения в содержании бюджетного правила – кардинально поменялась валютная композиция ФНБ и был введен плановый показатель базовых доходов, которые должны ежегодно поступать в бюджет от продажи сырья. Но, можно ли говорить с учетом

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. [сайт]. Центральный банк Российской Федерации; 2022 [обновлено 2 ноября 2022; процитировано 11 января 2025]. Доступно: http://www.cbr.ru>publ>-ondkp>on_2023_2025.

² Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. [сайт]. Центральный банк Российской Федерации; 2022 [обновлено 2 ноября 2022; процитировано 11 января 2025]. Доступно: http://www.cbr.ru>publ>-ondkp>on_2023_2025.

³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. [сайт]. Центральный банк Российской Федерации; 2024 [обновлено 30 октября 2024; процитировано 11 января 2025]. Доступно: http://www.cbr.ru>publ>-ondkp>on_2025_2027.

сложившихся реалий, что бюджетное правило было модифицировано в достаточной степени? Что именно такая его трансформация отвечает современным вызовам и угрозам, сложившимся в сфере экономической безопасности государства?

Дискуссия о сути бюджетного правила на предмет соответствия национальным интересам страны ведется уже давно. Ученые, политики, финансисты, эксперты в данной сфере еще до 2022 года, и связанных с ним наступивших негативных событий (замораживания 300 млрд. долл. США, часть из которых является средствами ФНБ), резонно подымали вопрос о том, что, все – таки, важнее с точки зрения развития государства – накопление валютных резервов и достижение макроэкономической стабильности (сберегательная функция) или инвестирование этих средств в реальный сектор экономики (стабилизационная функция)? Этот вопрос (о сути бюджетного правила в новых условиях) был поставлен в 2022 году и Президентом РФ: «Чему больше уделить внимания, куда больше направить средств или больше сэкономить и создать «подушку безопасности». Как ее создавать в новых условиях. И что такое «подушка безопасности» в современных условиях, когда у нас идет неизбежный процесс дедолларизации»¹. С нашей точки зрения, этот вопрос имеет стратегическое значение, ведь речь идет о том, как правильно распоряжаться дополнительными доходами от экспорта сырья: вкладывать их в реальные производственные активы или продолжать накапливать и хранить на виртуальных валютных счетах.

Для поиска ответа на поставленный вопрос обратим внимание на следующие спорные пункты уже нового бюджетного правила в действии. Касаться они будут вопроса о размещении средств ФНБ в валютах дружественных стран. Во-первых, в каких объемах необходимо делать такие резервы, чтобы не создать их огромные излишки? Что делать с уже накопленными в ФНБ валютами дружественных стран? Здесь необходимо привести примеры, ссылаясь на цифры внешнеторгового баланса РФ за 2024 год, взяв за основу ряд стран. Так, баланс торговли России с Турцией выглядит следующим образом: экспорт из России в Турцию составил 26, 5 млрд. долл., а импорт – 6, 5 млрд. долл. Если бы РФ торговала с Турцией исключительно за лиры, то за год в ФНБ скопилось лишних лир на сумму 20 млрд. долл. В Индию Россия экспортировала товаров на 9,1 млрд. долл., а импортировала на 4,4 млрд. долл. При расчете в рупиях в фонде скопилось бы излишних рупий в сумме 4, 7 млрд. долл. Более - менее равноценной обстоит ситуация с Китаем, так как экспорт равняется импорту². Поэтому большая часть валютной композиции ФНБ представлена юанями. Но ведь необходимая модификация бюджетного правила на данном этапе должна заключаться не в том, чтобы поменять один вид валюты или валют (доллары США, евро и пр.) недружественных государств на другие иностранные валюты (китайские юани, турецкие лиры), дружественных к нам стран. А в том, чтобы принять кардинальное решение об инвестировании заработанных за продажу общенародных ресурсов средств в реальный сектор российской экономики. Пока, по итогу, идет процесс накопления «дружественных валют», тем самым оттягиваются средства, которые можно было бы вложить в собственную национальную экономику.

Во-вторых, следует помнить и о финансовых рисках покупки иностранных валют дружественных государств. Далеко не все такие валюты имеют высокую ликвидность, опять – таки в силу привязки к доллару. Они (за исключением, китайского юаня) не обладают способностью быть быстро конвертируемыми (проданными) без значительных потерь своей стоимости. Так, например, турецкая лира всего за год (с 2021 по 2022) существенно обесценилась, так как уровень инфляции в Турции за это время вырос с 19 % до 79 %. Если бы РФ купила турецкие лиры на 100 млрд. рублей для торговых отношений, то через год в реальном выражении в нашей валюте сохранилось бы всего 20 млрд. рублей. А вложенные в покупку турецкой лиры рубли (так необходимые экономике) просто бы «испарились в воздухе». Аналогичные риски имеются и в отношении других валют, даже китайский юань не полностью защищен от девальвации. Это подтверждает и Банк России, отмечая в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и 2024 и 2025 годов», что, «Механизм бюджетного правила предполагал, что цены на нефть в 2022 году обеспечат формирование дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета, которые должны быть направлены на покупку иностранной валюты для последующего перечисления в ФНБ. В текущих условиях действие данного механизма невозможно, так как накопление резервов в основных резервных валютах приведет к их немедленной блокировке, а рынки других валют недостаточно глубоки или их курсы слишком волатильны»³. По этой же причине не имеет смысла хранить резервы и в рублях. Безусловно, такая ситуация не является безвыходной, так как можно заключать договоры «валютных свопов», гарантирующих избежание обесценения валют. Но, в целом обозначенные риски достаточно высоки.

¹ Президент смягчил бюджетное правило. [сайт]. Парламентская газета; 2022 [обновлено 21 ноября 2022; процитировано 11 января 2025]. Доступно: <https://www.pnp.ru>economics>president-smayagchil-BP>.

² Внешнеторговый баланс России 2024. Отчет Росстат по итогам 2024 г. [сайт]. Федеральная служба государственной статистики; 2024 [обновлено 21 декабря 2024; процитировано 12 января 2025]. Доступно: http://rosstat.gov.ru>statistics>vneshnyaya_torgovlya.

³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. [сайт]. Центральный банк Российской Федерации; 2022 [обновлено 2 ноября 2022; процитировано 11 января 2025]. Доступно: http://www.cbr.ru>publ>-ondkp>on_2023_2025.

В-третьих, следует поддержать обоснованную позицию о том, что «Возврат к откачке денег из российской экономики для скупки иностранных валют уже не поможет сохранять экономическую стабильность государства. События последних месяцев (февраль – март 2022 года) показали, что многолетняя откачка сотен миллиардов долларов из российской экономики не создала никакой «подушки безопасности». А лишь усилила технологическую уязвимость России из-за хронического недофинансирования технологического развития страны. Продолжать старую бюджетную политику, которая потерпела фиаско в условиях санкционного давления Запада, кажется сегодня абсурдом» [9]. Действительно, бюджетное правило работает в РФ с 2004 года. За это время страна пережила несколько экономических кризисов, пандемию 2019 года. Вливания же средств из ФНБ в бюджет за это время были недостаточными, можно сказать, минимальными, в сравнении с тем объемом денег, которые на самом деле были необходимы в связи с возросшими бюджетными расходами. То есть, средства размещались в иностранных валютах в огромных объемах – а выделялись по факту в бюджет в мизерных. Объяснялось это исключительно тем, что деньги нужно накапливать для наступления того случая, дня или события, когда они действительно понадобятся в таком или меньшем количестве. Но, к сожалению отечественное законодательство не устанавливает перечень данных событий, как, например, в отношении расходования средств из Резервных фондов федерального бюджета Правительства и Президента РФ. При этом, одновременно и систематически происходит хроническое недофинансирование важных государственных расходов в сфере реального сектора экономики, что как раз и подрывает основы экономического суверенитета страны. К тому же о какой «подушке безопасности» может идти речь, когда ни одно государство в мире или союз стран, не могут дать гарантии ее неприкосновенности при любых возникших обстоятельствах? Что и произошло с РФ, когда 300 млрд. долл. «подушки безопасности» суверенного ФНБ были одномоментно заморожены в феврале – марте 2022 года.

В-четвертых, при создании резервов ФНБ в валютах дружественных стран не следует забывать об изменчивой международной конъюнктуре. Межгосударственные отношения очень сложны и не стабильны, договора и соглашения нарушаются или расторгаются в одностороннем порядке, далеко не все страны готовы соблюдать взятые на себя обязательства и пр. Поэтому, дружественные государства очень быстро могут стать недружественными, на них может быть оказано давление извне (например, угроза вторичных санкций за торговлю или сотрудничество с Россией, что имеет место быть). Имеет ли смысл при такой международной обстановке накапливать резервы в иностранных валютах, пусть пока и дружественных стран, да еще и в огромных количествах.

Вышесказанное вовсе не означает, что Россия вообще не должна накапливать иностранные валюты тех стран, с которыми сложились благоприятные отношения, но, было бы правильным существенно сократить объемы таких резервов, ориентируясь при этом на запланированные прогнозы и показатели торгового баланса с каждой страной отдельно на год. Для защиты же ликвидности и волатильности иностранных валют, и, соответственно, национальной валюты, необходимо заключать договоры о валютных свопах.

Размещение дополнительных доходов от экспорта сырья необходимо осуществлять в реальные производственные активы, это могут быть прямые инвестиции или покупка ценных бумаг эмитента (речь идет о субъекте хозяйствования в реальном секторе экономики, не в финансовом). ФНБ осуществляет это в рамках бюджетного финансирования, но, как уже ранее писалось, это мизерные вливания, вовсе не соразмерные с теми возможностями, которыми ФНБ в действительности обладает. Мировой спрос на сырье растет, а, значит будут и увеличиваться доходы фонда. Наилучшим способом их применения будут инвестиции в развитие и производство реальных ценностей. ЦБ РФ также признает необходимость повышения финансирования бюджетных расходов в реальный сектор экономики в новых сложившихся условиях – «Существенно выросли необходимые расходы бюджета из-за структурной трансформации экономики. Формирование дополнительных бюджетных расходов возможно в условиях поступления дополнительных нефтегазовых доходов»¹.

Список использованной литературы:

1. Букина И.С. Состояние и перспективы устойчивости федерального бюджета в новых условиях. *Федерализм*. 2022;108(4):142–154.
2. Запольский С.В. Управление бюджетными ресурсами и доходами (правовые вопросы): монография. М.; 2017.
3. Институты бюджетного и налогового права в условиях развития цифровой экономики: монография / под ред. И.А. Цинделиани. М.; 2022.
4. Кудрин А.Л. Оценка влияния бюджетных правил на цикличность государственных расходов. *Вопросы экономики*. 2023;(5):5–22.
5. Лычева И.М. Бюджетные правила: классификация и перспективы применения. *Экономика: теория и практика*. 2023;69(1):56–63. DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_56.
6. Мулендеева Л.Н. Бюджетные правила как инструмент бюджетной устойчивости. *Наука XXI века: актуальные направления развития*. 2020;1(1):466–469.

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. [сайт]. Центральный банк Российской Федерации; 2024 [обновлено 30 октября 2024; процитировано 11 января 2025]. Доступно: http://www.cbr.ru/publ>-ondkp>on_2025_2027.

7. Соколов М.М. Нефтегазовые доходы бюджета и их влияние на развитие российской экономики. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020;(5):125–137.
8. Чалова А.Ю. Бюджет стимулирования экономического роста или как не выйти за рамки бюджетного правила. Федерализм. 2018;(4):115–133.
9. Чалова А.Ю. Отступление от бюджетного правила для спасения экономики. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2020;17(5):16–25. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-5-16-25.
10. Шмигаль Н.С. Управление нефтегазовыми доходами на основе бюджетных правил: опыт России и Казахстана. *Финансовая жизнь*. 2020;(1):97–100.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перепелица Мария Александровна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0003-4648-1789
Researcher ID: ABA- 7070-2020

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-21-25>

ПРИБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

Елисеева И.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Елисеева И.А. Приобретательная давность как основание возникновения права собственности на земельные участки. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):21–25. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-21-25>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Елисеева Инга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Гаврилова ул., д. 62, кв. 20, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.02.2025

Статья принята к печати: 03.03.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: *Целями* настоящей статьи является исследование особенностей возникновения права частной собственности на земельные по приобретательной давности, поскольку ясность по данному вопросу в российской цивилистической доктрине и судебной практике отсутствует. Это представляется важным для совершенствования российского законодательства, регулирующего возникновение права частной собственности по приобретательной давности.

Для достижения указанных целей в качестве *задач* представляется необходимым изучить российскую научную доктрину о приобретательной давности как об основании возникновения права частной собственности, в том числе на земельные участки, действующее российское законодательство, провести сравнительный анализ различных точек зрения в данной области, дать рекомендации по совершенствованию законодательного регулирования.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: сравнительно-правовой, формально-логический, диалектический метод познания общественных явлений и процессов.

В результате проведенного исследования автором сформулирован ряд выводов, а также некоторые рекомендации относительно совершенствования российского законодательства в указанной сфере. В частности, в целях возвращения заброшенных земельных участков в гражданский оборот, их рационального использования следует признать возможность возникновения права собственности на земельные участки, находящиеся в частной собственности, по приобретательной давности, при соблюдении давностным владельцем требований ст. 234 ГК РФ.

Поддерживаем рекомендацию ряда авторов, высказывающихся за отказ от добросовестности как условия приобретения права собственности по приобретательной давности как наиболее спорного.

Вместе с тем, не следует увеличивать давностный срок до тридцати лет, как это было предусмотрено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, поскольку подобная мера сильно увеличит издержки при приобретении недвижимости, а еще экономически нецелесообразна.

Ключевые слова: земельный участок, приобретательная давность, добросовестность владения, открытость владения, непрерывность владения, владение имуществом как своим собственным.

Введение

Как известно, под приобретательной давностью понимается возможность гражданина или юридического лица, не являющимся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющим как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет, а движимым имуществом в течение пяти лет, приобрести право собственности на это имущество (ст. 234 Гражданского кодекса РФ¹, (далее – ГК РФ)). Никакого запрета о применении ст. 234 ГК РФ в качестве основания возникновения права собственности на земельные участки ни ГК РФ, ни Земельный кодекс РФ² (далее – ЗК РФ) не содержат.

Но вопрос о том, можно ли считать приобретательную давность основанием возникновения права собственности на земельные участки, давно вызывает оживленную дискуссию в юридической науке, причем мнения полярно расходятся. Одни ученые отвечают на этот вопрос положительно, другие совершенно отрицают приобретательную давность в качестве основания возникновения права собственности на земельные участки. Таким образом, исследование указанного вопроса по-прежнему является актуальным, и потому попытаемся провести его и аргументировать собственную точку зрения.

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи предполагают использование следующих методов научного познания: сравнительно-правового, формально-логического, диалектического.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования формулируются предложения о внесении в российское законодательство следующих полезных изменений:

1. Следует признать в Земельном кодексе РФ возможность возникновения права собственности граждан и юридических на земельные участки, находящиеся в частной собственности, по приобретательной давности, при соблюдении давностным владельцем требований ст. 234 ГК РФ.

2. Необходимо отказаться от добросовестности как условия приобретения права собственности по приобретательной давности как наиболее спорного.

3. Не следует увеличивать срок по давности владения до тридцати лет, как это было предусмотрено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, поскольку подобная мера сильно увеличит издержки при приобретении недвижимости, а также экономически нецелесообразна.

Научная дискуссия

В российской юридической науке существуют прямо противоположные позиции относительно применения приобретательной давности в качестве основания возникновения права частной собственности на земельные участки. Одни ученые отвечают на этот вопрос положительно, в частности, Н.А. Сыродоев, И.А. Иконицкая, Г.А. Волков, Е.А. Галиновская, В.В. Устюкова и многие другие³ [8, с. 107; 3, с. 116–117; 10, с. 74–86; 2, с. 239]. Их оппоненты, напротив, совершенно отрицают приобретательную давность в качестве основания возникновения права собственности на земельные участки⁴ [11, с. 190, 191; 4, с. 206].

А.П. Анисимов, изучив признаки приобретательной давности, отмечает, что в ст. 234 ГК РФ формулируется «классический» для многих стран перечень её признаков, к которым относят:

1) Признак добросовестности, выражающийся в том, что лицо, приобретая владение, не знало (изначально и впоследствии) о том, что оно не является собственником имущества. Добросовестность – это своего рода «извинительное заблуждение» добросовестного владельца по поводу принадлежности ему вещи на праве собственности [1, с. 32]⁵.

Аналогичной позиции относительно добросовестности придерживается и судебная практика. Так, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» от 29 апреля 2010 г. № 10/22⁶ разъясняется, что давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии у него оснований возникновения права собственности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Иконицкая И.А. Земельное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрист, 1999. С. 199; Галиновская Е.А. Приобретательная давность как основание приобретения права собственности на земельный участок // Комментарий судебной практики / под ред. К.Б. Ярошенко. Вып. 5. М., 1999. С. 90.

⁴ См., например: Рублевский Р.С. Теоретические основы системы вещных прав лиц, не являющихся собственниками: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 8, 9.

⁵ Бубнов М.Ю. Приобретательная давность как основание приобретения права собственности: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 117.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

2) Признак открытости означает, что владелец не должен скрывать факт своего обладания вещью, но он не обязан совершать действия, демонстрирующие фактическое владение¹.

3) Признак непрерывности, под которым понимается постоянное использование земельного участка по целевому назначению и разрешенному использованию, проведение мероприятий по охране почвы, улучшение качества земель. Срок такого непрерывного использования по ст. 234 ГК РФ составляет пятнадцать лет.

4) Признак владения земельным участком как своим собственным означает, что владелец должен относиться к земельному участку как к другому имуществу, принадлежащему ему на праве собственности (например, платить налоги и сборы, в том числе земельный налог) [1, с. 32].

Как становится ясно из изучения цивилистической доктрины, основные возражения противников применения приобретательной давности в качестве основания возникновения права собственности по отношению к земельным участкам и другим природным ресурсам связаны с принципом добросовестности. В своих трудах они обращают внимание на то, что земельные участки и другие природные ресурсы ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны бесхозными, здесь отсутствует признак добросовестности (лицо самовольно захватывает частный или публичный земельный участок), завладевает им в результате правонарушения, а также невозможность владеть земельным участком «как своим» в течение пятнадцати лет [11, с. 190, 191]². Так, Л.В. Криволапова, Г.В. Чубуков предлагают внести изменения в ЗК РФ, законодательно запретив приобретать право частной собственности на землю в силу приобретательной давности [4, с. 205].

В юридической литературе высказывается и промежуточная позиция, согласно которой право собственности по приобретательной давности может возникнуть только на земельный участок, находящийся в частной собственности, при соблюдении давностным владельцем требований ст. 234 ГК РФ³.

Напротив, Г.Н. Эйриян утверждает, что приобретательная давность может рассматриваться как основание возникновения права собственности на земельные участки независимо от того, в чьей собственности они находятся – государственной, муниципальной или частной, ведь в действующем законодательстве отсутствуют нормы, дифференцирующие применение данного основания в зависимости от формы собственности на земельный участок или ограничивающие такое применение к публичным землям [12, с. 24–28.]. С ней солидарна В.В. Устюкова, отмечая, что если земельный участок является оборотоспособным и приобрести его в порядке приобретательной давности намерен субъект, имеющий на это право, то нет никаких препятствий к тому, чтобы приобрести в таком порядке право собственности и на государственную (муниципальную) землю [10, с. 77].

В юридической литературе существует и точка зрения о том, что право собственности на земельный участок могут приобрести только граждане, но не юридические лица, в силу тех или иных причин не способные оформить право собственности на земельный участок в административном порядке, получившие отказы от Росреестра. При этом земельный участок должен находиться в неразграниченной государственной собственности. В поддержку своей позиции автор ссылается на судебную практику [6, с. 115].

Д.А. Тоточенко, также ссылаясь на судебную практику, наоборот указывает, что её анализ показывает почти полное отсутствие положительных судебных решений о признании права собственности по давности владения в отношении земельных участков, находящихся в публичной собственности [9, с. 34]. В результате ознакомления с этими позициями возникает впечатление, что судебная практика по данному вопросу противоречива.

Представляется, что в целях устранения изложенных противоречий в юридической науке и судебной практике слово необходимо предоставить законодателю, который должен внести ясность в правовое регулирование применения приобретательной давности по отношению к земельным участкам.

Согласимся с А.П. Анисимовым в том, что земельные участки, имеющие публичного собственника, зарегистрировавшего свое право собственности, не должны передаваться другим лицам по приобретательной давности в силу их функциональной специфики. Органы государственной власти и местного самоуправления, пусть сами не использующие определенные земельные участки, предоставляют их гражданам и юридическим лицам в порядке, предусмотренном главой V.1 ЗК РФ [1, с. 33].

Но как быть с земельным участком, имеющим зарегистрированного частного собственника, если тот длительно не использует земельный участок в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием? А.П. Анисимов справедливо рассуждает, что к такому нерадивому собственнику должны применяться меры административной ответственности, а при их недостаточности – меры по принудительному изъятию у собственника земельного участка, предусмотренные ст. 285 ГК РФ и ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ⁴. Отсутствие эффективного

¹ Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. Ч. 1. С. 650.

² Рублевский Р.С. Указ. соч. С. 8, 9.

³ Ландаков В.Н. Приобретательная давность в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 50.

⁴ Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правоприменения по указанным выше статьям свидетельствует о неэффективной работе органов государственного земельного надзора, приобретательной давности здесь нет места. Однако на практике может сложиться ситуация, когда органы государственного земельного надзора не применяли к нерадивому собственнику меры юридической ответственности, и земельный участок имеет признаки заброшенного, не приносит экономической пользы [1, с. 33].

Нам все же ближе точка зрения В.В. Устюковой, которая обращает внимание о смешении здесь понятий «добросовестный владелец» и «добросовестный приобретатель». «Применительно к приобретательной давности как к длящемуся в течение достаточно продолжительного периода времени правоотношению законодатель говорит именно о добросовестном *владении*, (а не «завладении», приобретении) земельным участком, т.е. когда лицо владеет земельным участком как своим собственным, проявляет о нем необходимую заботу, соблюдает агротехнические правила, вносит удобрения, борется с сорняками на земельном участке и т.п. Иными словами, если земельный участок используется по целевому назначению, рационально, а не хищнически, то такое владение можно считать добросовестным независимо от того, каким образом участок первоначально оказался во владении лица» [10, с. 79]. Думается, что в целях возвращения заброшенных земельных участков в гражданский оборот, их рационального использования следует признать в земельном законодательстве возможность возникновения права собственности на земельные участки, находящиеся в частной собственности, по приобретательной давности, при соблюдении давностным владельцем требований ст. 234 ГК РФ.

А.П. Анисимов также замечает, что большинство земель в нашей стране находится в неразграниченной государственной собственности, а это огромный земельный массив, не разделенный на земельные участки в установленных границах, с кадастровыми номерами, не имеющий полноценного собственника. Он выступает с предложением законодательно закрепить возможность возникновения права частной собственности граждан и юридических лиц по приобретательной давности исключительно на подобные земельные участки, что заслуживает дальнейшего обсуждения [1, с. 33].

Представляется, что для внесения ясности в решение вопроса о применении приобретательной давности по отношению к земельным участкам стоит поддержать рекомендацию ряда авторов, высказывающихся за отказ от добросовестности как условия приобретения права собственности по приобретательной давности как наиболее спорного, что и восприняла Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации¹ [5, с. 52–54; 9, с. 101; 10, с. 78].

Однако не следует увеличивать давностный срок до тридцати лет, как это было предусмотрено в указанной Концепции. Согласимся с другими учеными, отмечающими, что подобная мера сильно увеличит издержки при приобретении недвижимости (на юридическую проверку титулов и длительное страхование от риска изъятия вещи у зарегистрированного собственника)². Мы солидарны с А.П. Анисимовым, В.В. Устюковой в том, что у законного собственника есть множество правовых способов истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, и если он не воспользовался своими правами в течение пятнадцати лет, то нет смысла увеличивать ему этот срок вдовое, особенно по экономическим причинам [1, с. 35; 9, с. 82].

Несомненно, что дискуссия о применении приобретательной давности как основания возникновения права частной собственности на земельные участки будет продолжаться в целях формулирования оптимальных предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Список использованной литературы:

1. Анисимов А.П. О некоторых дискуссионных вопросах применения приобретательной давности к земельным участкам как объектам недвижимости. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2016;380(3):31–36.
2. Болтанова Е.С. Права на земельные участки: теория, законодательство и практика его применения: монография. Ростов-на-Дону: Феникс; 2006.
3. Волков Г.А. Вопросы приобретения права собственности на землю по давности владения. *Государство и право на рубеже веков. Экологическое и природоресурсное право. Трудовое право. Предпринимательское право: материалы Всероссийской конференции*. М.: Изд-во ИГП РАН; 2001.
4. Криволапова Л.В., Чубуков Г.В. Право собственности на земельный участок в силу приобретательной давности. *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2004;(4):204–206.
5. Мисник Н.Н. О владении имуществом как собственным и добросовестном владении в приобретательной давности. *Вестник гражданского права*. 2007;(2):52–54.
6. Мишакова Н.В. Роль судебной практики в регулировании земельных отношений. *Вестник университета имени О.Е. Кутафина*. 2019;(8):112–121.
7. Проблемы экологического, земельного права и законодательства (обзор выступлений участников научно-практической конференции). *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2000;(2):107.

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вст. ст. А.Л. Маковского. М., 2009. С. 82.

² Багаев В.А. Приобретение недвижимого имущества по давности владения по российскому и английскому праву: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 19.

8. Тоточенко Д.А. О признании права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности. *Имущественные отношения в РФ*. 2017;191(8):32–38.
9. Рудоквас А.Д. Приобретательная давность и защита добросовестного приобретателя в Концепции развития законодательства о вещном праве. *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. 2009;(7):94–113.
10. Устюкова В.В. Возникновение права собственности на землю в порядке приобретательной давности. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2015;(1):74–86.
11. Чаркин С.А. Земельные правоотношения как межотраслевая правовая категория: монография. М.: Юрайт Издат; 2012.
12. Эйриян Г.Н. Применение приобретательной давности к земельным участкам. *Адвокат*. 2003;(7):24–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисеева Инга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6092-4489>

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-26-29>

ГЕНЕЗИС КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Багаев В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Багаев В.В. Генезис квалифицирующих признаков состава преступления в российской дореволюционной уголовно-правовой доктрине. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):26–29. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-26-29>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Владимир Владиславович Багаев, соискатель кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заместитель начальника управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью – начальник отдела по надзору за следствием в следственных органах Следственного комитета РФ, советник юстиции

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: V.v.bagaev@outlook.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 25.12.2024

Статья принята к печати: 24.01.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: Целью работы стало выявление содержания понятия квалифицирующих признаков (обстоятельств) состава преступления в дореволюционной уголовно-правовой науке.

Задачи работы включают изучение представлений известных ученых дореволюционного периода (С.В. Познышева, П.П. Пусторослева, Н.С. Таганцева) о составе преступления и об обстоятельствах, увеличивающих вину и наказание, а также определение правовой природы данных обстоятельств.

Для достижения поставленной цели и решения задач автор использует такие общенаучные и частнонаучные *методы*, как анализ, синтез, логический, исторический, формально-юридический.

Результаты: определены специфические черты квалифицирующих признаков состава преступления, не позволяющие отождествлять их с обстоятельствами, отягчающими наказание.

Выводы. В дореволюционной уголовно-правовой доктрине прослеживается генезис понятия квалифицирующих признаков состава преступления. Соответствующие вопросы освещались в контексте назначения наказания, однако сам термин «квалифицирующие» признаки (обстоятельства) уже был введен в научный оборот. Данные признаки возвышали наказание на одну или две степени, что отличает их от обстоятельств, увеличивающих наказание: последние повышали его лишь в мере, то есть в пределах санкции уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: состав преступления; квалифицирующие признаки; обстоятельства, отягчающие наказание; обстоятельства, влияющие на меру ответственности; увеличивающие вину обстоятельства; степень общественной опасности.

Введение

Квалифицирующие признаки состава преступления находят законодательную фиксацию начиная с краткой редакции Русской Правды и далее на протяжении всей истории развития отечественного уголовного права [2]. Вместе с тем, учение о них к настоящему моменту нельзя назвать полностью разработанным. Анализ научной литературы позволяет констатировать разнообразие в определении как содержания, так и формы (наименования) рассматриваемого явления.

Так, Л.Л. Кругликов, посвятивший весомое количество трудов данной проблеме, полагает, что квалифицирующие признаки, будучи средством дифференциации ответственности, охватывают не только свидетельствующие о повышенной степени общественной опасности преступления, но и, напротив, так называемые привилегирующие признаки [6, с. 43]. С ученым солидарна Т.А. Костарева, отмечающая, что обе группы признаков, введенные в состав преступления, изменяют его квалификацию и поэтому их в равной степени можно определить как квалифицирующие¹.

Если же рассматривать квалифицирующие признаки в более узкой трактовке, которая представляется абсолютно оправданной, надлежит исходить из того, что они существенно повышают общественную опасность соответствующего преступления и предопределяют его повышенную наказуемость².

В целом ряде доктринальных источников данное явление именуется еще и отягчающими признаками [4, с. 15; 3, с. 135; 10], что приводит к смешению квалифицирующих признаков состава преступления и обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных ст. 63 УК РФ. В итоге отдельные авторы даже прямо указывают на то, что квалифицирующие признаки как уголовно-правовая категория имеют двойственную природу [1, с. 66].

Логичное следствие такой противоречивости теоретической базы – вариативность использования названных понятий на законодательном и правоприменительном уровнях. Ярким примером тому служит ч. 2 ст. 20 УК РФ, в которой квалифицированный состав умышленного уничтожения или повреждения имущества (ч. 2 ст. 167) приводится с формулировкой «при отягчающих обстоятельствах». Все вышеуказанное определяет потребность в постижении генезиса квалифицирующих признаков состава преступления.

Методы исследования

В ходе исследования применялись такие общенаучные и специальные методы познания как: анализ, синтез, логический, исторический, формально-юридический.

Результаты исследования

Характеризуя процесс формирования учения о составе преступления, А.В. Иванчин заметил, что оно «концептуального развития в дореволюционной отечественной науке уголовного права не получило, хотя термин, обозначающий данное понятие, встречался в работах А.Ф. Кистяковского, С.В. Познышева, П.П. Пусторослева, Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева и др.»³.

Ознакомление с текстом лекций П.П. Пусторослева позволяет сделать вывод, что рассмотрение вопросов состава преступления, действительно, было весьма сжатым. Приводилось его понятие, а также классификация составов на общие и особенные. Первая разновидность представлена как совокупность условий или признаков, свойственных каждому уголовному правонарушению. Тогда как «особенным составом преступления называется совокупность признаков, характеризующих отдельную группу, или подгруппу, или род, или вид, или подвид уголовных правонарушений» [7, с. 199]. Тем самым, к «особенным» составам правоведа относят различные по объему понятия: состав имущественных уголовных правонарушений, имущественных похищений, кражи, кражи со взломом. Также примечательно, что материальными либо формальными П.П. Пусторослев признает преступления, а не их составы [7, с. 196–197].

Что же касается «увеличивающих вину обстоятельств», С.В. Познышев, комментируя их перечень в ст. 129 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных⁴, отметил, что «при наличии одного или нескольких из них суд может (но не обязан) увеличить наказание до указанного законодателем максимума нормальной наказуемости. Но перейти к высшей степени, чем законный максимум, или к более строгому наказанию суд может лишь в таких случаях, которые специально указаны законодателем (в особенной части)». Ученый писал, что таких ситуаций, когда то или иное из обстоятельств выступает в роли квалифицирующего, масса. В качестве примера он привел разбой в церкви, а также обратил внимание на то, что квалифицирующими обстоятельствами могут быть не только место, но и время, «наличность между преступником и жертвой известных отношений», способ и др. [9, с. 159].

Более подробно данный вопрос освещен в трудах Н.С. Таганцева [8, с. 335–369]. Он писал об обстоятельствах, влияющих на меру ответственности, и дифференцировал их на две группы. Первую образуют обстоятельства, уменьшающие ответственность, к которым, в свою очередь, относятся те, что уменьшают вину и смягчают наказание. Во вторую группу, соответственно, включена система обстоятельств, увеличивающих вину и наказание.

¹ Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1992. С. 6.

² Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 155.

³ Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 2. Книга 1 / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М., 2023. С. 337.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Пг., 1916.

Можно заметить, что данные обстоятельства отражают разные элементы состава преступления. В частности, субъективная сторона представлена заранее обдуманном умыслом и мотивами (противозаконные и безнравственные побуждения); объективная сторона – «жестокостью, гнусностью или безнравственностью в действиях», а также опасностью наступивших последствий; объект преступления – свойствами потерпевшего («преступление угрожало частному лицу, или многим, или всему обществу и государству»). В «чистом» виде признаки субъекта преступления отсутствовали в этом перечне, однако приближены к ним «личные свойства виновного», в числе которых – высокое состояние, звание и степень образованности. Кроме того, ответственность увеличивалась с учетом особо активной роли в совершении преступления, повторной преступной деятельности, а также при наличии соучастия.

Научная дискуссия

Обстоятельства, увеличивающих вину и наказание, систематизированные на рубеже XIX и XX вв. Н.С. Таганцевым, имеют различную по отраслевой принадлежности природу: как видится, их можно разделить на материально-правовые и процессуальные. Первые были перечислены выше, вторые же включают характеристики поведения виновного в ходе судебного разбирательства: оказание неискренности и упорства в заперательстве, возбуждение подозрения на невиновного или клевета в его отношении [8, с. 346]. Данные обстоятельства не имеют аналогов в действующем уголовном законодательстве, что представляется вполне оправданным, поскольку они не связаны с повышенной общественной опасностью именно преступления. Кроме того, сам Н.С. Таганцев сделал значимую оговорку о том, что «признание упорства в заперательстве или отрицания виновности увеличивающим обстоятельством не соответствовало основному началу Устава уголовного судопроизводства, в силу которого подсудимый не обязан содействовать правосудию в раскрытии преступления и вся тяжесть доказательств ложится на обвинение» [8, с. 346].

В то же время в положительном ключе можно оценить то, что разграничение обстоятельств, увеличивающих вину и наказание, осуществлено с содержательной точки зрения. Комментируя Воинский устав о наказаниях, Н.С. Таганцев обратил внимание: ряд обстоятельств содеянного (например, его совершение в присутствии низших чинов или собравшегося народа) влекут возвышение наказания «в мере, но не в степени», то есть в пределах санкции.

Иная ситуация складывается, если преступление совершено при отпавлении обязанностей службы (в строю, в карауле), в определенное время либо в специфической обстановке (во время войны, похода, военного или осадного положения, возмущения) и т.д. В таком случае суд мог возвысить наказание на одну или же две степени. Тем самым, здесь просматривается не просто обособление квалифицирующих признаков состава преступления, а еще и дифференциация их по степени общественной опасности. Данная идея применительно к УК РФ 1996 г. разработана представителями научной школы «Институциональные основы уголовного права РФ», созданной на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета¹.

Наконец, на нетождественность квалифицирующих признаков состава преступления и обстоятельств, отягчающих наказание, также указывает следующее утверждение Н.С. Таганцева: «Конечно, условия, дающие широкую власть суду при выборе наказания, теряли свою силу при тех преступных деяниях, в которых они входили в самый законный состав» [8, с. 347]. Фактически эта позиция сохранилась до настоящего времени, что нашло отражение в ч. 2 ст. 63 УК РФ.

Таким образом, труды классиков уголовного права свидетельствуют о том, что уже в дореволюционной научной мысли содержатся истоки разграничения квалифицирующих признаков состава преступления и обстоятельств, отягчающих наказание. И хотя соответствующие вопросы раскрываются в контексте не состава преступления, а назначения наказания, сам термин «квалифицирующие» признаки (обстоятельства) уже был введен в научный оборот. Данные признаки имели свою специфику в зависимости от объекта конкретного состава преступления, однако в любом случае предполагали существенное возрастание общественной опасности преступления, и, как следствие, определяли потребность в назначении более строгого наказания.

Список использованной литературы:

1. Авдеев М.А., Штранц А.С. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений. *Актуальные проблемы государства и права*. 2019;9(3):66–75.
2. Буликеева Д.Ж. Ретроспективный анализ квалифицирующих признаков. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015;359(4):106–109.
3. Гостькова Д.Ж. Соотношение понятий «квалифицирующие признаки» и «отягчающие обстоятельства» в уголовном праве. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*. 2016;(4):135–145.
4. Донец С.П. Квалифицирующие и привилегированные признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография. М.: Юрлитинформ; 2019.
5. Донец С.П. Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства. *Пенитенциарная наука*. 2015;32(4):27–30.

¹ Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 155.

6. Кругликов Л.Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1989;(2):43–49.
7. Русское уголовное право. Общая часть. Выпуск I. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Лекции П.П. Пусторослева. 2-е изд., испр. Юрьев: типография К. Маттисена; 1912.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 ч. Часть 2. М.: Издательство Юрайт; 2019.
9. Учение о карательных мерах и мере наказания: Курс, сост. по лекциям проф. С.В. Познышева. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Московского университета; 1908.
10. Яковлева О.А. Проблемные вопросы соотношения обстоятельств, отягчающих наказание, с квалифицирующими признаками. *Правовая парадигма*. 2024;23(1):127–131.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багаев Владимир Владиславович

соискатель кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заместитель начальника управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью – начальник отдела по надзору за следствием в следственных органах Следственного комитета РФ, советник юстиции

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Костенко Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Костенко Р.В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):30–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-30-35>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 440-53-25

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.01.2025

Статья принята к печати: 12.02.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: В современном уголовном судопроизводстве процесс цифровизации существенно влияет на традиционные институты доказательственного права, в том числе на устоявшиеся представления о допустимости доказательств. Классические критерии допустимости доказательств, сформированные в эпоху «бумажного» делопроизводства, сталкиваются с новыми вызовами при оценке цифровых данных. Особую актуальность приобретают вопросы надлежащего процессуального оформления цифровых доказательств¹, определения компетентных субъектов их получения, а также установления специальных требований к фиксации и проверке цифровой информации.

В науке уголовного процесса сформировалось устойчивое представление о четырёх основных критериях допустимости доказательств: надлежащий субъект получения, надлежащая форма, надлежащий способ получения и надлежащий порядок процессуального оформления. Однако применение этих критериев к цифровым доказательствам выявляет существенные теоретические и практические проблемы, требующие научного осмысления и разрешения.

Цель настоящей работы состоит в обосновании формирования новой концепции допустимости доказательств, учитывающей особенности цифровой информации и современные технологические возможности в уголовном судопроизводстве.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*: анализ существующих критериев допустимости доказательств с позиции их применимости к цифровой информации; выявление особенностей процессуального оформления цифровых доказательств; определение требований к субъектам, осуществляющим сбор цифровых доказательств; формулирование предложений по совершенствованию процессуальной формы работы с цифровыми доказательствами.

Методы исследования: системно-структурный анализ, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового моделирования.

Результаты: 1) обоснована необходимость трансформации традиционных критериев допустимости применительно к цифровым доказательствам; 2) сформулированы новые ключевые направления, относящиеся к допустимости цифровых доказательств; 3) разработаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регламентации работы с цифровыми доказательствами.

¹ Предлагаю последовательно использовать термин «цифровые доказательства» во всём тексте, поскольку он более точно отражает современную природу таких доказательств и шире по объёму, чем «электронные доказательства». Электронные доказательства можно рассматривать как подвид цифровых, связанный именно с электронными носителями информации, в то время как цифровые доказательства включают также информацию в виртуальном пространстве, облачных хранилищах и т.д.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, допустимость доказательств, цифровые доказательства, процессуальная форма, критерии допустимости, цифровизация.

Введение

Современное уголовное судопроизводство переживает период глубокой трансформации, связанной с повсеместной цифровизацией. В этих условиях традиционные институты доказательственного права, сформировавшиеся на протяжении многих десятилетий, сталкиваются с новыми вызовами, требующими переосмысления устоявшихся доктринальных подходов. Особенно ярко данная тенденция проявляется в вопросах определения допустимости доказательств – одного из ключевых свойств доказательств в уголовном процессе, имеющего фундаментальное значение. Именно с допустимостью доказательств связывается такое важное требование, как законность уголовно-процессуальных решений. При этом именно допустимость доказательств становится тем свойством, которое в наибольшей степени подвержено влиянию цифровизации, поскольку традиционные критерии допустимости формировались в условиях физических носителей информации и классических способов фиксации доказательственной информации.

Цифровые технологии, активно внедряющиеся в уголовное судопроизводство, создают новую реальность, в которой прежние представления о надлежащем субъекте получения доказательств, надлежащей форме, надлежащем способе их получения и надлежащем процессуальном оформлении требуют существенного пересмотра. Способы получения и фиксации цифровых доказательств оказывают значительное влияние на их правовую природу, что при определённых условиях может существенно влиять на сферу использования таких доказательств в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на высокую значимость проблемы трансформации критериев допустимости доказательств в цифровую эпоху, данный вопрос остаётся недостаточно исследованным в современной науке уголовного процесса. Существующие научные работы либо рассматривают общие вопросы цифровизации уголовного судопроизводства, либо концентрируются на отдельных аспектах работы с цифровыми доказательствами, не предлагая комплексного решения проблемы их допустимости.

Методы исследования

Методология исследования обусловлена целью и задачами исследования, решение которых возможно подробным описанием сущности и особенностей трансформации критериев допустимости доказательств в цифровую эпоху (метод описания), проведением сопоставления традиционных и новых подходов к определению допустимости доказательств (метод сопоставления), выявлением структуры и элементов системы критериев допустимости применительно к цифровым доказательствам (структурный метод), определением различий в процессуальном статусе субъектов, участвующих в собирании и оценке цифровых доказательств (метод стратификации).

Результаты исследования

1. Трансформация стандартов допустимости доказательств в цифровую эпоху требует пересмотра базовых процессуальных категорий. При работе с цифровыми доказательствами особое значение приобретает разграничение процессуальных действий по их формированию. В этой связи предлагается выделить три самостоятельные процессуальные категории, отражающие этапы работы с цифровыми доказательствами:

- выявление цифровых доказательств представляет собой первичное обнаружение цифровой информации, их совокупности или отдельных элементов, позволяющих составить представление о значимых для уголовного дела обстоятельствах и фактах. На этом этапе определяется потенциальная доказательственная ценность цифровой информации, но ещё не решается вопрос о её допустимости;
- установление цифровых доказательств характеризует этап технической верификации обнаруженной цифровой информации, когда определяется её подлинность, целостность и неизменность. Этот этап создаёт необходимую техническую основу для последующего решения вопроса о допустимости;
- определение допустимости цифровых доказательств выступает результатом соблюдения всех процессуальных требований при выявлении и установлении цифровой информации. При этом в условиях цифровизации традиционные критерии допустимости требуют существенной модернизации с учётом специфики работы с цифровой информацией.

2. Выявление, установление и определение допустимости цифровых доказательств имеют системные внутренние связи. Без выявления цифровой информации невозможно её установление. Установление цифровой информации в уголовном судопроизводстве может иметь несколько форм, одна из которых – признание её допустимым доказательством. При этом выявление цифровой информации в рамках формирования допустимых доказательств должно происходить только в установленных УПК РФ формах.

3. Главное значение предлагаемого разграничения заключается в определении критериев оценки получаемой цифровой информации, уровня её достоверности и возможности использования для принятия конкретных процессуальных решений. В частности:

- для выявленной цифровой информации достаточно её обнаружения и предварительной фиксации;
- для установленной цифровой информации необходима техническая верификация её подлинности;

– для признания цифровой информации допустимым доказательством требуется соблюдение всех процессуальных требований к её получению и оформлению.

4. В условиях цифровизации традиционные критерии допустимости доказательств требуют существенной модернизации:

- надлежащий субъект получения доказательств должен обладать не только процессуальными полномочиями, но и необходимым техническим сопровождением;
- надлежащая форма доказательства должна включать как физические носители цифровой информации, так и виртуальное пространство её хранения;
- надлежащий способ получения должен учитывать особенности работы с цифровыми данными;
- надлежащее процессуальное оформление должно обеспечивать как юридическую силу, так и техническую достоверность полученной информации.

Научная дискуссия

Развитие цифровых технологий кардинально меняет представления о природе доказательственной информации в уголовном процессе. Если традиционные доказательства имели преимущественно материальную форму, то сегодня значительная часть доказательственной информации существует в цифровом виде. Это создаёт принципиально новую ситуацию для института допустимости доказательств, который формировался в иных технологических условиях.

В современной российской науке уголовного процесса отмечается различное понимание проблем допустимости цифровых доказательств. Так, одни авторы [2, с. 93–112] отмечают, что цифровизация уголовного судопроизводства требует не просто адаптации существующих правил допустимости, а создания принципиально новой концепции доказывания, учитывающей специфику цифровой информации.

Другие [1, с. 89–99] рассматривают перспективы использования искусственного интеллекта при работе с цифровыми доказательствами. Они обосновывают необходимость разработки специальных процессуальных механизмов, обеспечивающих допустимость результатов применения технологий искусственного интеллекта в доказывании.

Особого внимания заслуживает позиция учёных [3, с. 105–112], которые поднимают проблему трансформации процедуры изъятия доказательств в цифровую эпоху. Эти авторы указывают на необходимость модернизации традиционных следственных действий с учётом специфики работы с цифровой информацией.

Также в отечественной доктрине акцентируется внимание на технических аспектах обеспечения допустимости цифровых доказательств, в частности, на проблемах их хранения и обеспечения целостности [6, с. 105–111]. Отдельно ставится вопрос о правовом статусе цифровых доказательств, когда предлагается рассматривать их как особый вид доказательств, требующий специального правового регулирования [4]. Эта позиция находит поддержку и развитие в работах других исследователей [5, с. 155–159].

Зарубежные исследователи также отмечают, что традиционная система уголовного судопроизводства сталкивается с серьёзными вызовами при работе с цифровыми доказательствами. В частности, некоторые авторы [8] подчёркивают, что основная проблема заключается в существенном разрыве между техническими возможностями получения цифровых доказательств и процессуальными механизмами обеспечения их допустимости. Поэтому требуется необходимость разработки новых стандартов аутентификации цифровых доказательств, которые бы учитывали их технологическую специфику.

Как отмечается в исследовании других учёных [10, с. 749–769], в ходе осуществления уголовного правосудия суды испытывают сложности с определением критериев допустимости цифровых доказательств, которые бы в равной степени обеспечивали как интересы правосудия, так и права обвиняемых.

Отдельные исследователи [11, с. 96–110] предлагают комплексный подход к оценке допустимости цифровых доказательств, включающий три основных компонента: технический (подтверждение целостности и аутентичности цифровых данных), юридический (соответствие процессуальным требованиям) и научный (соответствие принципам уголовного процесса и цифровой форензики).

Значительный интерес представляет разработанная европейскими учёными [7] модель управления цифровыми доказательствами, которая предлагает стандартизированный подход к обеспечению допустимости цифровых доказательств на всех этапах уголовного судопроизводства: от момента обнаружения до представления в суде.

Отдельно [12] обращается внимание на проблему «объёмности» цифровых доказательств, когда традиционные критерии допустимости оказываются неэффективными при необходимости оценки больших массивов цифровых данных. При этом предлагается внедрение автоматизированных систем проверки допустимости цифровых доказательств, основанных на технологиях искусственного интеллекта.

Соответственно, в науке уголовного процесса постепенно формируется понимание необходимости создания новой парадигмы допустимости доказательств, которая бы органично сочетала процессуальные гарантии уголовного судопроизводства с технологическими возможностями цифровой эпохи.

Действующий УПК РФ, принятый в 2001 году, создавался в период, когда цифровые технологии ещё не играли столь существенной роли в общественной жизни. Несмотря на многочисленные изменения и

дополнения, концептуальные основы допустимости доказательств, заложенные в кодексе, по-прежнему ориентированы на традиционные формы доказательственной информации. Статья 75 УПК РФ, определяющая недопустимые доказательства, не содержит специальных положений относительно цифровых доказательств. При этом в практике возникает множество вопросов о применении классических критериев недопустимости к цифровой информации. Например, как следует трактовать требование части 2 статьи 75 УПК РФ о недопустимости показаний свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, применительно к информации, полученной из цифровых источников?

Статья 164.1. УПК РФ, введенная в 2018 году, регламентирует особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации. Однако данная норма решает лишь узкий круг технических вопросов и не затрагивает фундаментальных проблем допустимости цифровых доказательств.

Поэтому в современных условиях особую актуальность приобретает вопрос о трансформации традиционных критериев допустимости доказательств. Рассмотрим каждый из них применительно к цифровым доказательствам:

1. Надлежащий субъект получения доказательств. В цифровую эпоху этот критерий требует существенного переосмысления. Следователь или дознаватель, обладая процессуальными полномочиями, может не иметь необходимых технических компетенций для работы с цифровыми доказательствами. Статья 168 УПК РФ предусматривает возможность привлечения специалиста, однако не определяет границы его участия в формировании цифровых доказательств.

2. Надлежащая форма доказательств. Статья 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень видов доказательств, который не в полной мере учитывает специфику цифровой информации. Возникает вопрос: следует ли рассматривать цифровые данные как вещественные доказательства, иные документы или необходимо выделить их в отдельный вид доказательств?

3. Надлежащий способ получения доказательств. Существующие следственные действия не всегда эффективны при работе с цифровой информацией. Например, статья 177 УПК РФ, регламентирующая порядок производства осмотра, не учитывает особенности осмотра виртуального пространства или облачных хранилищ данных.

4. Надлежащее процессуальное оформление. Традиционные требования к протоколированию следственных действий, установленные статьей 166 УПК РФ, не позволяют адекватно отразить все существенные характеристики цифровых доказательств.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что существующая система критериев допустимости доказательств нуждается в существенной модернизации. Необходимо создание новой концептуальной модели, которая бы учитывала как традиционные процессуальные гарантии, так и специфику работы с цифровой информацией.

На наш взгляд, развивая заявленную проблематику трансформации критериев допустимости доказательств в цифровую эпоху, следует отметить несколько ключевых направлений необходимых изменений.

Первое направление связано с переосмыслением роли специальных знаний при формировании цифровых доказательств. В условиях, когда значительная часть доказательственной информации существует в цифровом формате, возникает необходимость в новом процессуальном статусе специалиста. Если в традиционном понимании специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств (ст. 58 УПК РФ), то при работе с цифровыми доказательствами его роль становится определяющей для обеспечения их допустимости. Фактически, без применения специальных знаний невозможно не только извлечь цифровую информацию, но и обеспечить её целостность и неизменность.

Предлагаем дополнить статью 58 УПК РФ положениями об обязательном участии специалиста при работе с цифровыми доказательствами. В частности, необходимо закрепить, что без заключения специалиста о технической достоверности и неизменности цифровой информации она не может быть признана допустимым доказательством. Также следует внести изменения в статью 168 УПК РФ, определив особый порядок привлечения специалиста в области цифровых технологий, включая требования к его квалификации и компетенциям.

Второе направление касается модернизации процессуальной формы следственных действий. Существующие процессуальные процедуры не учитывают специфику работы с цифровым пространством. Например, при производстве обыска или выемки (ст. ст. 182, 183 УПК РФ) возникают вопросы о территориальной юрисдикции при изъятии информации из облачных хранилищ, о порядке фиксации действий в виртуальной среде, о способах копирования данных без нарушения их целостности.

Поэтому предлагаем дополнить главу 22 УПК РФ новой статьей «Особенности производства следственных действий в цифровой среде». В данной статье необходимо закрепить: порядок определения места производства следственного действия при работе с облачными хранилищами; правила фиксации следственных действий в виртуальной среде; требования к техническим средствам, используемым при производстве следственных действий с цифровыми данными; особенности обеспечения прав участников следственных действий при работе с цифровой информацией.

Третье направление связано с разработкой новых стандартов процессуального оформления цифровых доказательств. Традиционный протокол следственного действия (ст. 166 УПК РФ) не позволяет отразить все существенные характеристики цифровой информации: метаданные, технические параметры файлов, способы обеспечения целостности данных. Потребуется разработка новых форм протоколирования, адаптированных к особенностям цифровых доказательств.

Соответственно, необходимо дополнить статью 166 УПК РФ частью 9.1, устанавливающей особые требования к протоколу следственного действия при работе с цифровой информацией. В частности, в протоколе должны отражаться: технические характеристики носителей информации; метаданные цифровых файлов; способы обеспечения целостности данных; применяемые программные средства; хеш-суммы файлов; результаты технической верификации данных.

Четвертое направление касается разработки процессуальных механизмов проверки подлинности цифровых доказательств. В отличие от традиционных видов доказательств, цифровая информация может существовать одновременно в нескольких копиях, каждая из которых может быть модифицирована. Это требует внедрения специальных процедур верификации цифровых данных, которые бы имели процессуальное значение и могли быть положены в основу выводов о допустимости доказательств.

Необходимо дополнить УПК РФ статьей 164.2 «Удостоверение подлинности цифровых доказательств», где закрепить: обязательные технические процедуры проверки целостности цифровой информации; порядок создания контрольных копий цифровых данных; правила применения средств криптографической защиты; требования к программному обеспечению, используемому для верификации цифровых доказательств.

Пятое направление связано с обеспечением прав участников уголовного судопроизводства при работе с цифровыми доказательствами. Особую актуальность приобретает вопрос о реализации права на защиту в условиях, когда для понимания сущности доказательств требуются специальные технические знания. Необходимо разработать механизмы, обеспечивающие реальную возможность стороны защиты оспаривать допустимость цифровых доказательств.

В частности, следует дополнить статьи 47 и 53 УПК РФ положениями, предоставляющими обвиняемому и защитнику право: знакомиться с техническими характеристиками цифровых доказательств; привлекать специалиста для оценки достоверности цифровой информации; заявлять ходатайства о проведении альтернативного технического исследования цифровых данных; получать копии программного обеспечения, использованного для получения и проверки цифровых доказательств.

Реализация указанных предложений потребует внесения комплексных изменений в УПК РФ, что позволит создать эффективную правовую основу для работы с цифровыми доказательствами при сохранении всех процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

В итоге, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Трансформация стандартов допустимости доказательств в цифровую эпоху представляет собой объективную необходимость, обусловленную несоответствием традиционных процессуальных механизмов новым формам доказательственной информации. При этом такая трансформация должна осуществляться с сохранением фундаментальных процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

2. Работа с цифровыми доказательствами требует особого процессуального порядка, включающего три последовательных этапа: выявление цифровой информации, её техническую верификацию и процессуальное оформление. Каждый из этих этапов нуждается в детальной законодательной регламентации.

3. Существующие критерии допустимости доказательств (надлежащий субъект, надлежащая форма, надлежащий способ получения и надлежащее процессуальное оформление) требуют существенной модернизации применительно к цифровым доказательствам.

4. Совершенствование правового регулирования допустимости цифровых доказательств требует внесения системных изменений в УПК РФ, включая: определение особого статуса специалиста при работе с цифровыми доказательствами, установление специальных правил производства следственных действий в цифровой среде, закрепление новых стандартов процессуального оформления цифровых доказательств, разработку механизмов проверки их подлинности и обеспечение прав участников процесса при работе с цифровыми доказательствами.

Список использованной литературы:

1. Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(1):8–99. DOI: 10.31429/20785836-16-1-89-99.

2. Зайцев О.А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации. *Журнал российской права*. 2024;28(8):93–112. DOI: 10.61205/S160565900030639-6.

3. Костенко Р.В., Шипицина В.В., Петрова О.А. Изъятие уголовно-процессуальных доказательств в цифровую эпоху. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(3):105–112. DOI: 10.31429/20785836-14-3-105-112.

4. Маслов А.В. К вопросу о статусе цифровых доказательств и электронной информации в уголовном процессе. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023;134(8):138. DOI: 10.23670/IRJ.2023.134.130.
5. Облаков А.А. Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы сбора и оценки. *Закон и власть*. 2024;(5):155–159.
6. Рамалданов Х.Х. Проблемы использования и хранения цифровых доказательств в доказывании в уголовном процессе. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2023;14(2(52)):105–111. DOI: 10.37973/KUI.2023.10.73.015.
7. A Governance Model for Digital Evidence in Criminal Proceedings. *ResearchGate*. 2023. URL: <https://research.rug.nl/files/1121109087/1-s2.0-S0267364924001067-main.pdf>.
8. Bharati R., Khodke P.G., Khadilkar C.P., & Bawiskar D. Forensic Bytes: Admissibility and Challenges of Digital Evidence in Criminal Proceedings. *SSRN Electronic Journal*. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4896874.
9. Digital Evidence in Criminal Trials: Challenges in Authentication and Admissibility. *Lawful Legal*. 2023. URL: <https://lawfullegal.in/digital-evidence-in-criminal-trials-challenges-in-authentication-and-admissibility/>.
10. Digital Evidence and Fair Trial Rights at the International Criminal Court. *Leiden Journal of International Law*. 2023;36(3):749–769.
11. Escobedo M.A. O., Fernández Y.M. C., Li A.E. Q., Díaz-Pérez J.J., Oliveira Diaz D.G. C., & Quispe G.B. G. Digital Evidence as a Means of Proof in Criminal Proceedings. *Russian Law Journal*. 2023;11(5S):96–110.
12. Nott J.E. Current Volume of Digital Evidence Challenge the Criminal Justice System to Do Better. *Criminal Legal News*. 2023. URL: <https://www.criminallegalnews.org/news/2023/aug/1/current-volume-digital-evidence-challenge-criminal-justice-system-do-better/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костенко Роман Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цыпина А.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Цыпина А.В. Речевая реализация принципов уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):36–40. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-36-40>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Цыпина Алла Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: sytinalla@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 22.01.2025

Статья принята к печати: 21.02.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: Исследование посвящено актуальной проблеме взаимодействия языка и права, в частности, вопросам речевой коммуникации в юридической практике. Автор подчеркивает значимость лингвистических аспектов в правовой деятельности, особенно в уголовном судопроизводстве, где точность, ясность и корректность формулировок играют важную роль в обеспечении справедливости и доверия к судебной системе в целом, в повышении профессиональных компетенций юриста в частности.

Цель настоящего исследования – создание языковых требований, включающих общие предписания коммуникативного взаимодействия юриста и специальные лингвистические нормативы, представляющие речевую реализацию принципов права.

Для достижения поставленной цели в качестве основной *задачи* видится необходимость разработки и систематизации лингвистических норм для уголовно-процессуальной коммуникации.

Методы исследования: описательный, структурный, метод формализации.

Результаты: разработаны общие языковые предписания и специальные лингвистические нормативы для уголовно-процессуального права и уголовного судопроизводства, как практической сферы юридической деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная коммуникация, специальные лингвистические нормативы, коммуникативный кодекс.

Введение

Взаимодействие языка и права входит в число актуальных и широко востребованных областей правовых и лингвистических исследований. Современная научная литература широко освещает общелингвистические аспекты языка права, его отдельные характеристики, принципы применения, включая анализ правовых концептов, юридических дефиниций и их отраслевых особенностей [1]. Большое внимание уделяется содержанию нормативных актов и формулированию правовых положений, совершенствованию законодательного процесса с точки зрения правил лингвистики, использованию лингвистических методов при интерпретации права, правовой риторике и т.д. [3].

Несмотря на имеющиеся научные результаты и популярность исследований, посвященных взаимодействию языка и права, актуальными остаются вопросы речевой коммуникации в юридической практике. Как правило, лингвистические критерии правовой коммуникации включают: точность формулировок, ясность и доступность, последовательность и логичность. Такого рода рекомендации носят обобщенный характер и не содержат в своей основе ничего принципиально нового.

Коммуникативная и речевая компетентность современного юриста приобретает особую значимость в практическом аспекте, поскольку эффективность профессиональной деятельности, независимо от специализации, напрямую обусловлена совокупностью интеллектуальных процедур языкового плана. В процессе профессиональной деятельности юрист опирается на систему юридических понятий, категорий и принципов, которые формируют основу для принятия решений, соответствующих как букве, так и смыслу закона. Верной является мысль: «Идеи права и справедливости, а также мера дозволенного выражаются в юридической практике не иначе, как в словесных формах» [7, с. 65]. Любое процессуальное решение облекается в ту или иную форму речевой коммуникации. От точности и ясности используемых при этом правовых формулировок зависит, в том числе, и восприятие этих решений, как убедительных и справедливых. Эти обстоятельства, в свою очередь, повышают уровень доверия к судебной власти, к результатам уголовного преследования, во многом помогают обеспечить бесконфликтность уголовного судопроизводства [4].

На наш взгляд, характер правовой коммуникации, речевое взаимодействия и правила, регламентирующие этот процесс, обусловлены особенностями соответствующей сферы правовой деятельности.

Коммуникация в сфере гражданского права требует лингвистических компетенций, направленных, в первую очередь, на применение речевых навыков, направленных на достижение компромиссов в спорах, на проведение медиативных процедур [6].

Коммуникация в административном праве основана на взаимодействии граждан, юридических лиц и государственных органов. Здесь коммуникация происходит в контексте выполнения различных действий, таких как подача заявлений, жалоб, запросов, а также получение разрешений и лицензий, с применением и толкованием нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность государственных органов и др., что также требует специфических языковых навыков и умений, знаний свода языковых правил присущих этому правовому пространству.

Юристы, работающие в сфере уголовного судопроизводства, обязаны соблюдать строгие процедурные нормы и использовать специализированную терминологию. Соответственно и уголовно-процессуальная коммуникация отличается существенным своеобразием. Ей присущ высокий уровень формализма, детализации, индивидуализации и точности. Учеными отмечается, что в числе основных коммуникационных операций в уголовном судопроизводстве находятся собирание доказательств, содержание отдельных следственных действий (допрос, очная ставка и др.), процессуальная аргументация, в том числе в суде [10]. При этом особое значение приобретают точность юридических формулировок в обвинительных документах органов предварительного расследования и приговорах. Мы полагаем, что в этом ряду следует признать обязательность выполнения также и этических норм, правил вежливости в ходе различных уголовно-процессуальных процедур [9].

Приведенные факторы убеждают в наличии связи между особенностями определенной юридической практики и характера возможной и должной коммуникации, что требует от правоприменителей и участвующих лиц выбора коммуникативных стратегий и языковых правил.

Методология исследования обусловлена целью и задачами исследования, решение которых возможно подробным описанием языковых явлений, стилистических особенностей высказываний, используемых в юридической практике (метод описания); выявлением структуры языковых единиц юридических текстов и их взаимосвязи (структурный метод); выделением и систематизацией языковых моделей уголовного судопроизводства, упорядочивающих разные элементы языка уголовного судопроизводства и выстраиваемых в понятную структуру (метод формализации).

Результаты исследования

Классификация языковых требований, применительно к уголовно-процессуальному праву и уголовному судопроизводству, состоит из двух элементов:

1. Общие предписания: принципы коммуникативного взаимодействия, которых должен придерживаться юрист как носитель высокой культуры и образованности, включают следующие аспекты и положения: нормативный, коммуникативный и этический аспекты, а также максимы качества, количества, релевантности информации, целевой направленности и способа.

2. Специальные нормативы (*специальные лингвистические нормативы*), которые представляют собой речевую реализацию принципов права. Специальные лингвистические нормативы – это правила и требования, которые регулируют использование языка в правовой сфере. Эти нормативы охватывают лексику, грамматику, синтаксис и стилистику, а также учитывают специфику юридического языка, который отличается от обычного языка.

Научная дискуссия

Наш научный интерес связан с разработкой лингвистических рекомендаций, критериев и правил для уголовно-процессуального права и уголовного судопроизводства, как практической сферы юридической деятельности. Ранее мы писали [9], что уголовно-процессуальная коммуникация представляет сложную архитектуру лингвистического взаимодействия, где фактически каждый коммуникативный акт обладает

набором специфических черт и представляет отдельный коммуникативный жанр со своими индивидуальными правилами и требованиями.

Языковые требования применительно к лингвистическому пространству, определяемому уголовно-процессуальным правом, можно представить в виде следующих двух групп:

– *общие предписания*: принципы коммуникативного взаимодействия, которым должен следовать юрист, как *образованный культурный человек*;

– *специальные нормативы (специальные лингвистические нормативы)*, которые представляют собой речевую реализацию принципов права.

Общие предписания, разумеется, будут связаны с вопросами профессиональной этики [5] и культурой речи, которые включают нормативный аспект, коммуникативный аспект и речевой этикет. Принципы речевого взаимодействия, относящиеся к *общим предписаниям*, содержат требования о соблюдении профессиональной этики (уважение, честность, конфиденциальность); владение такими качествами речи как логичность и последовательность, умение излагать мысли ясно и точно.

Такой список общих предписаний мы считаем необходимым расширить, дополнив его еще несколькими, важными, на наш взгляд, особенно для уголовно-процессуальной коммуникации, правилами, а точнее максимами (максима – краткое изречение, содержащее какое-либо этическое правило¹).

Повышению уровня уголовно-процессуального коммуникационного профессионализма способствует принцип кооперации. Принцип кооперации, первоначально предложенный философом и лингвистом Гербертом Полом Грайсом [2], касается эффективной и взаимовыгодной коммуникации.

Основные максимы принципа кооперации Грайса, при их адаптации к особенностям уголовного судопроизводства, могут иметь следующее содержание:

– максима качества: все утверждения и выводы должны быть обоснованы и подкреплены доказательствами. При отсутствии достаточных доказательств, утверждения могут быть подвергнуты сомнению и не приняты во внимание при вынесении решений.

– максима количества: достаточность информации (объем информации должен позволять полностью уяснить суть уголовного дела, правового вопроса, поставленного перед судом, но при этом нужно избегать излишней детализации); конкретность (информация должна быть точной, без излишних отвлечений);

– максима релевантности: все утверждения и доводы должны быть актуальными и иметь отношение к обсуждаемому вопросу;

– максима целевой направленности: информация должна способствовать достижению цели коммуникации, будь то разрешение уголовного дела, заявление, рассмотрение и разрешение ходатайства, жалобы или иное.

– максима способа: используемые формулировки должны быть ясными и понятными, необходимо избегать двусмысленности, неоднозначности в интерпретации информации, изложение должно быть логичным, последовательным.

Все перечисленные требования создают единую систему *общих предписаний*, формирующих комплексный набор правил, который определяет основные принципы и стандарты коммуникативного взаимодействия в уголовном судопроизводстве.

Интерес представляет категория языковых требований, которые мы обозначаем как *специальные лингвистические нормативы*, которые представляют собой основу уголовно-процессуального речевого взаимодействия.

В этой части своего исследования мы опираемся на основополагающие идеи уголовно-процессуального права, принципы уголовного судопроизводства. «... Многие традиционные российские духовно-нравственные ценности отражены в принципах уголовного процесса и посредством их реализуются в уголовно-процессуальной деятельности ...» [8, с. 5]. На наш взгляд, уголовно-процессуальные принципы представляют собой основные положения, которые не только определяют вектор развития, порядок и правила ведения уголовно-процессуальной деятельности, но и выстраивают соответствующую линию уголовно-процессуальной коммуникации.

В то же время соблюдение принципов уголовного судопроизводства должно обеспечиваться надлежащим выполнением не только правовых уголовно-процессуальных положений, но и специальных лингвистических нормативов. Для демонстрации актуальности этого тезиса и его практической значимости приведем некоторые сформулированные нами лингвистические нормативы, следующие из содержания принципов уголовного судопроизводства.

Для соблюдения принципа законности (ст. 7 УПК РФ) предлагаются следующие специальные лингвистические нормативы: использование точных терминов и избегание неоднозначных выражений в процессуальных решениях для предотвращения разночтений и неправильного толкования; формулировки устной и письменной коммуникации должны быть однозначными, исключающими возможность различных

¹ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. 2000.

интерпретаций; содержание процессуальных актов должно быть структурировано логично и последовательно и обеспечивать восприятие и понимание используемых положений, категорий; используемая терминология и формулировки должны соответствовать существующим правовым нормам и установленной практике. Подтверждением значимости этих лингвистических нормативов являются примеры из судебной практики. Так, в апелляционном постановлении было указано: «по факту контрабанды в апреле 2017 года Щ.А.НА. следователем не было разъяснено существо предъявленного обвинения, а обстоятельства, изложенные органами следствия в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении, сформулированы с нарушением требований УПК РФ и не доступны для понимания»¹.

Лингвистические нормативы принципа, закрепленного в ст. 9 УПК РФ, основаны на использовании корректных формулировок при обращении к участникам процесса; на избегании уничижительных, оскорбительных или неприличных выражений в любых документах и устных выступлениях. Все участники процесса, включая подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, должны упоминаться с уважением к их чести и достоинству. В этой части также отметим пример из судебной практики, в котором прокурор в кассационном представлении не согласился с судебными решениями в связи с тем, что судом в приговоре приведена ненормативная лексика и нецензурная брань, обозначенная сочетанием печатных знаков и точек². О значимости лексических нормативов, основанных на указанном принципе, свидетельствует и такой пример: судья был досрочно лишен своих полномочий в связи с нарушениями, порочащими статус судьи, в числе которых было и следующее: «Основанием для отмены обвинительного приговора явилось использование судьей Пресняковой Т.Е. при написании приговора слов и выражений, неприемлемых в официальных документах»³.

Для соблюдения принципа неприкосновенности личности (ст. 10. УПК РФ) и обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ) необходимо соблюдать следующие специальные лингвистические нормативы: формулировки должны подчёркивать соблюдение прав и свобод личности, избегая высказываний, которые могут нарушить их. К высказываниям, нарушающим данные категории могут относиться, например, «Этот преступник...», «Подозреваемый ни на что не годится...», «Он явно лжет...»; неясные или двусмысленные выражения, которые могут вызвать недоразумения и быть неправильно истолкованы: «Это неважно...», «Возможно, он сделал это...». Использование такого рода выражений может стать основанием к обжалованию и последующей отмены судебного решения. Например: «В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель в нарушение закона называла его преступником»⁴.

Не рекомендуется использование эмоционально заряженных слов, которые могут повлиять на восприятие участников процесса [4]. Такого рода речеизъявления с лингвистической точки зрения нарушают принцип неприкосновенности личности и обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, поскольку они могут повлиять на объективность и беспристрастность должностных и иных лиц, уполномоченных на принятие значимых процессуальных актов. Например, приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, отменен, в том числе, из-за того, что: «обращаясь к коллегии присяжных заседателей, защитник допустила высказывание «Лучше осудить десять виновных, нежели посадить на скамью подсудимых одного невиновного»,... в прениях сторон защитники использовали неуместные примеры и эмоционально окрашенные обороты, обращаясь к коллегии присяжных заседателей, допускали выражения, способные оказать на них негативное воздействие»⁵.

Анализ статьи 14 УПК РФ «Презумпция невиновности» позволяет определить следующие специальные лингвистические нормативы: формулировки должны быть нейтральными и не предполагать виновность обвиняемого до вынесения судебного приговора; необходимо избегать употребления слов и выражений, которые могут создавать впечатление предвзятости или заранее установленной виновности; важно использовать юридически корректные термины, такие как «подозреваемый», «обвиняемый» или «подсудимый», вместо слов, предполагающих виновность, таких как «преступник». Значимость и этих лингвистических нормативов подтвердим примером из судебной практики: «заявлено ходатайство об отстранении присяжного от участия в деле по мотиву негативного отношения к подсудимому в связи с допущенным им высказыванием «можно вести себя потише?» в ходе исследования доказательств...»⁶. В этом

¹ Апелляционное определение Иркутского областного суда от 08 июля 2019 г. № 22-1933/2019.

² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08 февраля 2024 г. № 77-503/2024 (УИД 52RS0004-01-2023-001097-64). Приговор изменен.

³ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 02 апреля 2018 г. № ДК18-10.

⁴ Кассационное определение Калужского областного суда от 14 июня 2011 г. по делу № 22-892/2011.

⁵ Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 18 июня 2024 г. по делу № 22-270/2024 (УИД 08RS0010-01-2023-000466-23).

⁶ Определение Московского областного суда от 15 ноября 2023 г. по делу № 22-8685/2023.

примере мы можем наблюдать необходимость правильной интерпретации высказываний, которые могут оказаться «пограничными» для участника: и, с одной стороны, демонстрировать коммуникационное нарушение принципа презумпции невиновности, а с другой, не выражать предвзятости и, соответственно, не иметь связи с указанным нарушением. В указанном примере суд подтвердил отсутствие у присяжного предубеждения против подсудимого, несмотря на то что защита настаивала на его наличии. Полагаем, что такого рода споры в уголовном судопроизводстве не способствуют деловой процессуальной коммуникации и необходимо стремление к исключению подобных дискуссий.

При описании событий и представлении доказательств следует использовать формулировки, которые указывают на наличие подозрений или обвинений, но не на установленную виновность: «подозревается в совершении преступления», «обвиняется в», «производится расследование по факту». Рекомендуется использовать выражения, подчёркивающие предположительный характер обвинений до их подтверждения судом: «Предполагаемый виновный».

Принцип состязательности сторон, закреплённый в ст. 15 УПК РФ, требует соблюдения определённых языковых норм и правил, о них мы писали ранее [9]. Эти требования направлены на обеспечение равноправия, объективности и эффективности взаимодействия между сторонами обвинения и защиты в рамках уголовного судопроизводства [10].

Вторая глава УПК РФ не содержит прямых формулировок относительно лингвистического сопровождения соблюдения принципов уголовного судопроизводства, тем самым, на наш взгляд, демонстрируя некоторую пробельность. «Любое правовое явление – будь то закон или судебный процесс» – есть текстовое явление, явление речевой коммуникации¹. Мы настаиваем, что для реализации любой правовой нормы необходимо соответствующее лингвистическое сопровождение в виде закреплённых, в том числе и законодательно специальные лингвистические нормативы (языковые требования).

Проведённая исследовательская работа и анализ позволяют сделать вывод о необходимости разработки и систематизации лингвистических норм для уголовно-процессуальной коммуникации. Это включает создание специальных языковых нормативов, которые будут регламентировать речевую реализацию принципов уголовно-процессуального права.

Важным шагом в этом направлении может стать разработка коммуникативного кодекса уголовно-процессуальной коммуникации (КК УПК), который зафиксирует языковые нормы и требования для данной сферы.

Дальнейшие исследования в этой области позволят уточнить и расширить лингвистические рекомендации, что будет способствовать совершенствованию юридической практики и укреплению правовой культуры в целом.

Список использованной литературы:

1. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка. *Юрислингвистика*. 2006;(7);8–39.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1985;(16);217–237.
3. Давыдова М.Л. Структура языка права: филологические и юридические аспекты. *Актуальные проблемы российского права*. 2009;12(3):40–47.
4. Красовская О.В. Судебная коммуникация: некоторые трудности взаимодействия. *Юрислингвистика*. 2010;10(10):46–51.
5. Кодеева А.Ч., Магомедова Р.М., Цамаева А.А. Современные требования к формированию профессиональной этики юриста. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019;65(1):145–149.
6. Костина О.В., Синенко В.С., Растворцева Ю.А. Медиация как форма защиты прав граждан. *Философия. Социология. Право*. 2015;199(2):109–114.
7. Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в профессиональной деятельности юриста. *Юрислингвистика*. 2007;(8):63–72.
8. Химичева О.В. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных ориентиров российского общества. *Журнал российского права*. 2025;(1):5–16.
9. Цыпина А.В. Уголовно-процессуальная коммуникация участников уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(3):108–114. DOI: 10.31429/20785836-16-3-108-114.
10. Черемисина Т.В. Уголовное судопроизводство как процесс коммуникации. *Уголовное судопроизводство*. 2023;(3):30–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыпина Алла Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

¹ Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 44.